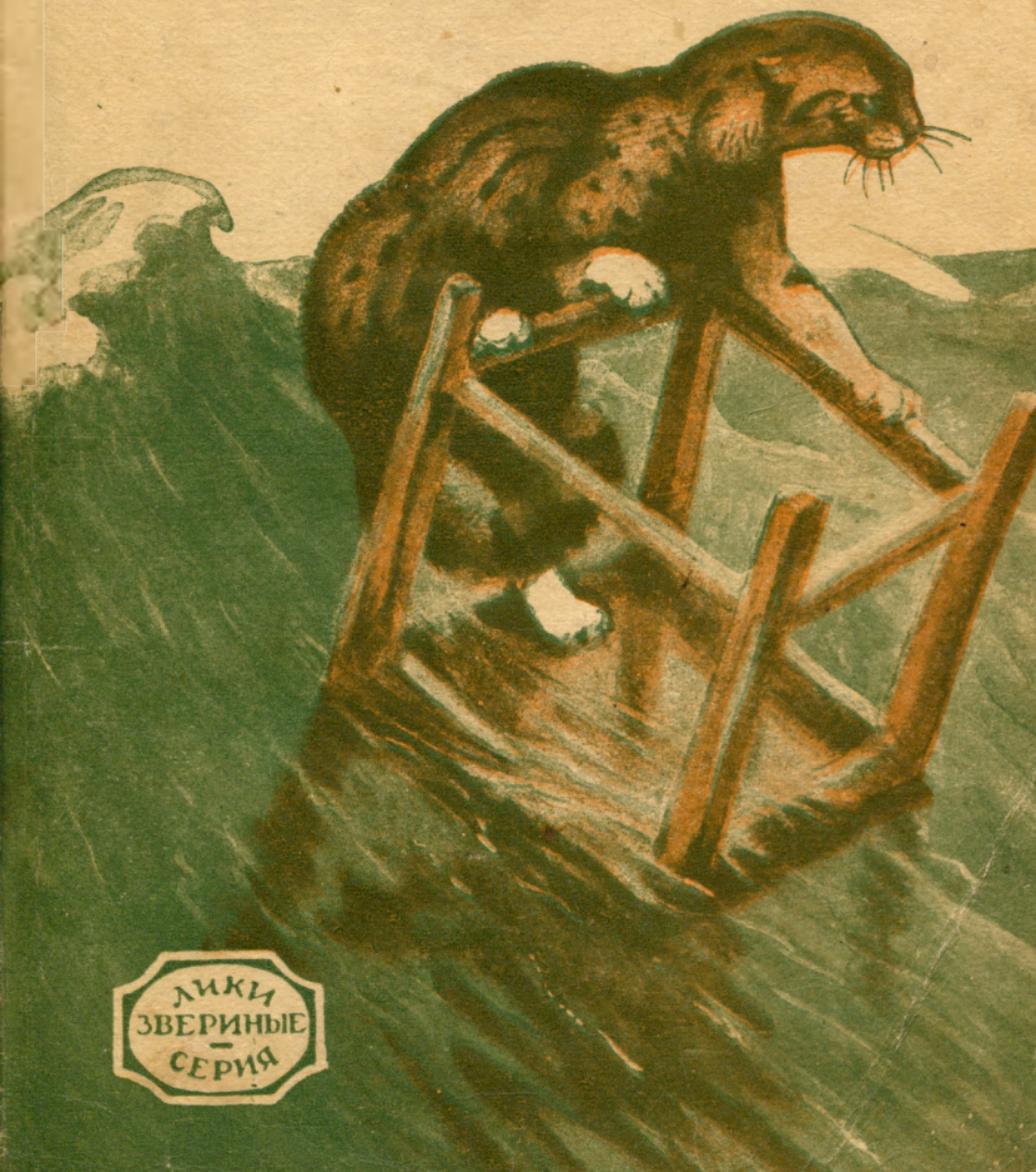

КОШКИ

ЛИКИ
ЗВЕРИНЫЕ
—
СЕРИЯ

ЧИТАТЕЛИ

*Просим сообщить Ваш
отзыв об этой книге по
адресу: Москва, Центр, Варварка,
Псковский пер., 7 Информа-
ционный Отдел
З И Ф*

СЕРИЯ „ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. А. ПОПОВА

КОШКИ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ РАССКАЗЫ
О ДОМАШНИХ И ДИКИХ КОШКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

Кошки. Очерк (по Брэмю) — Кот-Робинзон. Рассказ Ф. Марза. — Трущобная кошка. Рассказ Э. Сэттона Томпсона. — Дикая кошка. Рассказ А. Калинин. — Б. зумство храбрых. Истинное происшествие. — Кот Фараон. Рассказ Ф. Марза. — Б. цман. Рассказ о замечательном корабельном коте М. Де-Мара.

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Обложка и 5 рис. худ. В. Ватагина
Напечатано в типографии Госиздага
„Красный Пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, дом 16.
Тираж 10.000. 7½ л.
Главлит № 90242.
МСМХХVII

КОШКИ

Очерк (по Брэму)

Кошки—хищные мелкопитающие, отличающиеся необыкновенно красивым и изящным строением тела.

У них круглая голова, толстая короткая шея, умеренно длинные лапы, длинный хвост. Тело кошки стройное, удлинённое, покрыто мягким мехом.

Когти кошки, являющиеся главным орудием защиты и нападения, втяжные, и когда кошка пускает в ход свою лапу, они вытягиваются. Вследствие такого устройства ноги кошки на следах ее не заметно отпечатков когтей; тихая, бесшумная поступь кошки объясняется тем, что подошвы лап снабжены мягкими, иногда покрытыми волосами подушечками.

Все кошки бегают очень быстро и в горизонтальном направлении делают прыжки, длина которых во много раз превосходит длину тела кошки. Откуда бы ни упала кошка, она никогда не падает на землю спиной или боком, а мягко опускается на лапы.

Кошки искусно лазают по деревьям и хорошо плавают, но бросаются в воду только в крайнем случае.

Из органов чувств у кошек сильнее всего развиты слух и зрение. Кошки слышат на значительном расстоянии и в состоянии по звукам разыскать добычу, которую не видят.

Зрение кошки развито менее, чем слух. Глаза кошки на далекое расстояние видеть не могут, но прекрасно приспособлены к близкому расстоянию. Днем, под влиянием яркого света, зрачок кошки сужается, образуя узкую щель, а в темноте и при возбуждении становится совсем круглым.

Органом осязания кошки являются усы; стоит только дотронуться до них, чтобы заставить ее отдернуть голову.

Пищу кошек составляют всевозможные мелкие животные, главным образом крысы и мыши; истреблением этих вредных для хозяйства грызунов дикие и домашние кошки и приносят главную пользу человеку.

К добыче кошки крадутся тихими, неслышными шагами; подкравшись достаточно близко, они делают прыжок и набрасываются на жертву.

Кошки почти никогда сразу на-смерть не убивают свою добычу, а, укусив ее, выпускают на свободу, затем снова схватывают и кусают и продолжают эту жестокую игру до тех пор, пока их жертва не умрет.

Почти никогда кошка при всех не съедает пойманное ею животное, а уносит его в укромный уголок.

У кошек бывает от одного до шести котят. Мать необыкновенно нежна к ним и прячет их в укромное местечко, главным образом от отца, так как, пока котята слепы, взрослые коты часто съедают их.

Кошка непрерывно чистит, лижет своих детенышей, защищает их с опасностью для собственной жизни. Едва они подрастают, мать принимает участие в их играх, которые являются подготовкой к будущей охоте. Кошка приносит дегеншам полузадушенных мелких животных, и котята научаются на них преследовать добычу.

Если кошке, выкармливающей котят, подложить детеныша другого животного, то она будет к нему не менее нежна, чем и к своим собственным детям. Было не мало случаев, когда кошка вскармливала щенят, лисят, кроликов, белочек.

Европейская дикая или лесная кошка водится до сих пор по всей Европе, кроме Скандинавии. У нас она встречается на Кавказе.

Дикая кошка значительно крупнее домашней, она отличается от домашней более густой шерстью, густыми усами, более сильными зубами. Хвост ее значительно пушистее, чем у домашней кошки, но короче, и от основания до конца имеет совершенно одинаковую толщину; он кажется как бы обрубленным на конце.

Дикая кошка имеет своеобразную окраску: черные кольца на хвосте и желтовато-белое пятно на горле. Весь мех ее: у самца—темносерый; у самки—желтовато серый. От лба по голове тянутся четыре параллельные черные полосы, которые на спине соединяются в одну, тянущуюся вдоль всего позвоночника. От этой полосы отходят неясные поперечные черные полосы.

За добычей дикая кошка выходит в сумерки. Она нападает даже и на крупных животных, вскакивая на них и разрывая им шейные артерии.

Раненная охотником, дикая кошка в ярости бросается на него и старается вцепиться когтями в грудь и расцарапать и перегрызть горло.

Дикие кошки нередко уничтожают диких и домашних птиц, коз, молодых оленей и телят.

Наша домашняя кошка, как предполагают, произошла от дикой европейской кошки, но некоторые зоологи считают, что она произошла от африканской (в частности нубийской) дикой кошки.

Домашняя кошка не так свирепа, как ее дикая родственница, и питается всевозможной пищей, которую получает от человека. Она бывает самой разнообразной окраски: черная, белая, рыжая, серая, с пятнами, полосами, и т. д.

Самая красивая из домашних кошек—так называемая ангорская; она отличается большим ростом и длинной мягкой шелковистой шерстью. Цвет ее бывает белый, желтый и серый.

КОТ-РОБИНЗОН

Рассказ Ф. Марза

Он чувствовал, что вода наполняет его уши, чувствовал страшный шум в голове, и во рту отвратительный вкус. Потом что-то ударило его, и с инстинктом, свойственным его породе, он схватился за это «что-то» всеми своими когтями.

Раздался крик, треск, что-то взлетело к лунному небу,—и он остался один на лоне взволнованных вод. Он и стул, за который он отчаянно цеплялся.

Через некоторое время он вскарабкался выше и сел верхом на плясавший стул, а луна, выглянувшая на миг из-за облачной дымки, ярко осветила кота с плоской головой, прижатыми ушами и зелеными-презелеными глазами, злобно сверкавшими во мраке.

Пароход, его пароход, на котором он жил и где по-своему расправлялся с крысами,—этот пароход исчез в несколько минут так бесследно, точно никогда его и не было.

Каким образом, почему?

Этими вопросами кот не интересовался.

Выражая свирепым ворчанием свое неудовольствие, он напряженно прислушивался в то же время к слабому скрипу весел в уключинах, удалявшемуся в ночи, да, удалявшемуся, а не приближавшемуся.

На мгновение им овладела дикая мысль бросить все и плыть в ту сторону, откуда шел этот звук. Но врожденная осторожность кошачьей породы удержала его от этого безумного шага.

И он остался; он сидел, тесно прижавшись к деревянным ножкам стула и фыркая на соленую воду, брызги которой попадали ему в глаза.

Он мог и умел ждать с тем изумительным кошачьим, превосходящим всякое воображение, терпением, которое всосал с молоком матери.

Внезапно стул перестал плясать, подскочил, закачался из стороны в сторону, дернулся вперед и сел на мель с таким толчком, что кота подбросило высоко в воздух, и он птицей перелетел далеко на берег.

Как он упал, так и лежал, не шевелясь, распластавшись на песке и ожидая, в каком новом образе смерть налетит на него из мрака ночи.

Следующая волна едва-едва докатилась до него, но он все же отполз подальше, отряхивая лапы со всей своей природной ненавистью к воде, словно сам давным давно не промок насквозь.

Потом кот ощупал себя, чтобы убедиться, целы ли все кости, и сгинул, исчез, испарился, как дым.

Но он ушел не далеко. Первая ямка повыше на берегу, под кустиком остролистой травы, послужила ему убежищем. Там, укрытый от гадкого ветра, он свернулся клубком и стал ждать рассвета, то чутко дремля, то стараясь очистить свой мех от приставшего к нему смолистого вещества.

Рассвет наступил наконец, и наш кот—великолепный полосатый Робинзон—отправился вверх по берегу исследовать местность, куда его закинуло кораблекрушение.

Он нашел песок и колючую траву, песок и камни, песок и ветер. Больше ничего. В ложбинах между холмами он ничего не видел кроме быстро несущихся по небу серых туч. А на гребнях холмов он вообще ничего не мог видеть из-за туч песку. Песок засыпал ему глаза, забирался в рот и прилипал к его меху, еще не вполне освободившемуся от смолистого вещества, которое, вероятно, попало в воду с тонущего парохода.

Он тихо ворчал, стараясь очиститься.

Наконец песчаные холмы кончились. За ними начиналось болото, мокрое и пустынное.

Кот-Робинзон внимательно поглядел вперед через болото—вода, больше ничего. Он повернулся и посмотрел на восток; и там он увидел мерцающий блеск воды под лучами восходящего солнца. Тогда он посмотрел на запад, где на горизонте последние тени ночи убегали от победоносного дневного света. Но и там он не увидел ничего утешительного.

было ждать помощи и не на кого было надеяться, кроме как на самого себя.

Покончив с обзором, кот-Робинзон медленно пошел на восток вдоль края болота, пока не дошел до маленькой бухты, окаймленной мягким мокрым песком и населенной только одним кроликом, который немедленно обратился в бегство.

На кролика кот не обратил внимания. Но зато большой деревянный сарай на берегу сразу заинтересовал его, и к этому сараю он поспешил.

Рядом с сараем лежала большая лодка, перевернутая вверх дном и прикрытая брезентом. Самый же сарай был крыт крышей из оцинкованного железа, а стены отличались той солидностью, которая характеризует казенные и железнодорожные постройки.

Это был, действительно, таможенный пост, наблюдательная станция. Но нюх безошибочно сказал коту, что уже очень давно здесь не было ни одного человека.

Он решил обойти сарай кругом, но едва обогнул первый угол, как что-то заставило его остановиться и «застыть», застыть так моментально, словно его оглушило молнией.

Прямо перед собой он увидел пару других кошачьих глаз. Эти глаза принадлежали кошке, которая шла навстречу. Обе кошки чуть не наскочили друг на друга и обе фыркнули и окаменели одновременно. Можно было подумать, что они решили

больше не двигаться с места. Молчание между ними стало напряженным, как туго натянутый канат. А раздражающие крики чаек наверху да тихий непрерывный рокот моря еще более подчеркивали эту напряженную тишину.

Ни кот, ни кошка не знали, зачем они явились сюда. Но в глазах кошки был какой-то странный огонек, который не понравился потерпевшему крушение Робинзону. Поэтому, когда она выпустила когти и дважды попыталась ими оцарапать его морду, он только стремительно откинул голову на миллиметр, чтобы показать, что он на-чеку и не зеваает. А когда она без всякой видимой причины вдруг прыгнула на него, злобно ворча, он оказался на метр дальше—только и всего.

Это произошло три раза, и все три раза Робинзон менял место так стремительно, точно вовсе и не двигался с места. Можно было подумать, что он не живой кот. И его мертвое молчание еще усиливало это впечатление.

Разумеется, будь перед ним кот, а не кошка, события приняли бы иной оборот. От кога он не потерпел бы без сдачи такой обиды. Но перед ним была представительница прекрасного пола, и он ограничился пассивной самозащитой.

После трех неудачных атак кошка убежала, опустив нос к самой земле, точно разнюхивая и отыскивая что-то.

В продолжение следующего часа кот-Робинзон несколько раз видел ее; она продолжала деловито-

обнюхивать землю, словно обреченная вечно искать что-то.

К этому времени он почувствовал голод и мучительную жажду. Он рыскал по острову, стараясь найти воду, но напрасно. Он всегда возвращался через некоторое время к сараю и каждый раз находил там кошку. Это место было легко найти благодаря большому флюгеру, который без устали вертелся на своем шпиге и скрипел глухо и заунывно.

Вдруг кот так же, как и кошка, беспокойно забегал с места на место, лихорадочно разнюхивая то тут, то там. Он постепенно возвращался к одной определенной стене сарая.

Оба они, кот и кошка, вероятно, чуяли воду; но его нюх был гораздо тоньше, чем ее, и он знал, что вода не снаружи, а внутри сарая.

В конце концов Робинзон попробовал вскарабкаться на стену. Потом попробовал прыгнуть на нее. Еще раз, еще раз. Все было напрасно. Всякий раз он падал обратно на землю, и только слышно было, как когти царапали гладкую стену.

Утомленный этими напрасными усилиями и терзаемый жаждой, он провел ночь, как в кошмаре, среди дикого воя ветра, рева волн и безумных криков страшной кошки, которая бродила, как помешанная, по пустынному берегу этого забытого островка.

Кот-Робинзон ворчал на нее, прикурнув в ямке среди травы, где он был защищен от ветра; в

конце концов он задремал, довольный тем, что кошка, очевидно, не знает в точности, где он находится.

Обыкновенных кошек, ведущих себя, как подобает добропорядочным представительницам кошачьей породы, он понимал и умел с ними обращаться. Эту же сумасшедшую, с глазами, каких он никогда в жизни не видал, он не понимал и горячо желал никогда ее не увидеть. Кто знает, на что способна кошка с такими глазами? Откуда она явилась и зачем она здесь? Этими вопросами он не задавался,—достаточно было самого факта.

День занялся туманный, все с тем же неистовым ветром, который, повидимому, постоянно дул здесь, но без дождя, в случае которого немного дождевой воды могло бы скопиться на брезенте, покрывавшем лодку, которая лежала на берегу возле сарая. Тогда кот мог бы утолить свою мучительную жажду. Вероятно, таким способом черная кошка поддерживала до сего времени жизнь в своем теле на этом безводном острове.

Но дождя рассвет не принес с собой, он принес только разноголосый гам птиц, наполнивших воздух своими мелодичными и немелодичными нотами.

Выглянув из своей ямки, кот увидел множество длинноногих пернатых, прогуливавшихся по мелкой воде у берега или толпившихся стаями на берегу.

В другое время это зрелище заставило бы его сердце радостно забиться. Но теперь его слишком мучила жажда, чтобы он мог думать о чем-либо

другом. Птицы совершали, вероятно, свой обычный перелет на юг.

Но кот этим не интересовался. Он знал только, что ему необходимо найти воду, чтобы утолить жажду.

В своем отчаянии,—потому ли, что больше нечего было делать, или потому, что к этому его побуждала привычка всей жизни,—он опять отправился к единственному предмету на острове, связанному с представлением о людях,—к сараю. И опять начал обходить его кругом.

Это было, повидимому, бесцельное странствование, несмотря на то, что накануне он явственно слышал там запах воды. Но на этот раз едва он один раз обошел сарай кругом, как заметил совершенно случайно нечто такое, что заставило его сердце сильно забиться.

В песке под одной из стен зияло отверстие. Это кролик, единственный кролик, оставшийся в живых, прорыл себе там узкий туннель в продолжение ночи.

В одно мгновение кот ютился у отверстия, яростно поводя носом. А еще через десять секунд его хвост понемногу стал исчезать в туннеле.

Проход был страшно тесный, и коту понадобилось добрых десять минут, чтобы пробраться через него, отчаянно работая когтями.

Но, наконец... наконец, он стоял в сарае и горящими зелеными глазами озирался царивший там полумрак.

Он был один, потому что кролик давно ушел тем же путем, каким пришел... Две лодки висели на блоках над его головой. Кругом валялись целые груды весел, мачт, спасательных шлюпок и других принадлежностей, от которых пахло дегтем.

Но что ему было до всего этого?

Воздух был полон запаха пресной воды, и он бросился искать ее, как террьер разыскивает крысу в риге.

И он нашел воду. Прежде всего чан, плотно прикрытый крышкой, в которой оставалось только небольшое отверстие для ковша. А затем доверху полный водоем, в который он чуть не свалился, торопясь скорее добраться до воды.

Он пил долго и жадно, с наслаждением, как пьют обыкновенно кошки; потом отошел, посидел несколько минут неподвижно, точно отдыхая, и опять стал пить. Но, наконец, жажда была окончательно утолена, и он мог произвести осмотр местности, добросовестно обнюхав все уголки и закоулки, как полагается добропорядочному коту.

К тому времени, когда он кончил обзор, он вдруг почувствовал, что находится в сарае не один. И тут же услышал шум, заставивший его застыть в мертвой неподвижности, шум, производимый кошкой, которая, очевидно, пробиралась в сарай тем же ходом, что и он. Так как она была более тощей, то могла бы пробраться без особого труда. Однако ей почему-то приходилось хуже, чем ему. Он слышал, как она ворчала, фыркала, грызлась,

плевалась и даже... даже вскрикнула раз. Даже ребенок мог понять, что она не одна, или, чтобы быть точнее, что она отчаянно борется с кем-то, находящимся сзади нее,—дело довольно безнадежное в такой узкой дыре, где она не могла даже повернуться. Звуки, которые она издавала, заставляли думать, что она околеет на месте, так и не протиснувшись через туннель.

Прижавшись к земле и наострив уши, кот бесшумно подошел ближе, пока не очутился почти у самого отверстия лазейки, заботясь о том, чтобы его не могли ни увидеть, ни услышать, хотя запах, разумеется, мог выдать его. Но с этим уж приходилось мириться.

Что происходит там в дыре?

Он понимал, что кошка спешит к воде по его следу. Но кто является врагом, напавшим на нее с тылу?

Подобрав под себя сильные задние лапы, он прижал к голове уши, выпустил когти и оскалил страшные желтые зубы, готовый к прыжку. Если предстоит сражение—пусть. Он готов. Он готов был напасть первый, если на то пошло, ибо он знал, что нападение врасплох—лучший способ борьбы.

Вот появилась, наконец, кошка. Или, по крайней мере, появилась ее голова с прижатыми ушами. Она казалась совершенно изнемогающей, но несмотря на это, она отчаянно старалась вылезть из дыры. Глубоко запуская когти в землю, она делала такие

напряженные усилия, словно кто-то держал ее за-
ди и не пускал.

Неужели она так и не выберется? Неужели она
умрет в этой дыре, заткнув ее, подобно тому, как
пробка затыкает горлышко бутылки?

Поистине было страшно видеть ее отчаянную
борьбу, когда сантиметр за сантиметром она стала
понемногу вытаскивать свое туловище из прохода.
И все это время кот сидел не шевелясь, напряг-
шись, как пружина, и только глаза его горели в
темноте.

Наконец она вылезла, очутилась на полу сарая
и перекатилась несколько раз, чтобы как можно
скорее убраться от дыры. И почти в тот же миг,
следом за ней, из дыры выскочило темное взъеро-
шенное существо, с глазами, горящими, как угли,—
самая крупная старая крыса, какую когда-либо ви-
дал наш кот.

Крыса не дала себе даже времени оглядеться и
посмотреть, кто еще есть в этом тихом сарае кроме
кошки, на которую она напала, увидев, что она
слаба и почти умирает от жажды. И эта крыса была
не одна—за нею следовали другие.

Но кот не стал ждать, если даже и видел их.
Быстрее, чем падает дверца захлопывающейся мы-
шеловки, он прыгнул. И не промахнулся. Он был
слишком опытным охотником, чтобы промахнуть-
ся. Когти глубоко вонзились в живое мясо, и испо-
линская крыса, прижатая к земле, подняла голову и

испустила страшный протяжный писк или, вернее, вопль.

Но она не только вопила, она вступила в борьбу, как умеет биться только матерая крыса-самец; а позади нее можно было видеть другие злобно сверкающие глаза—глаза ее товарок, спешивших на ее зов.

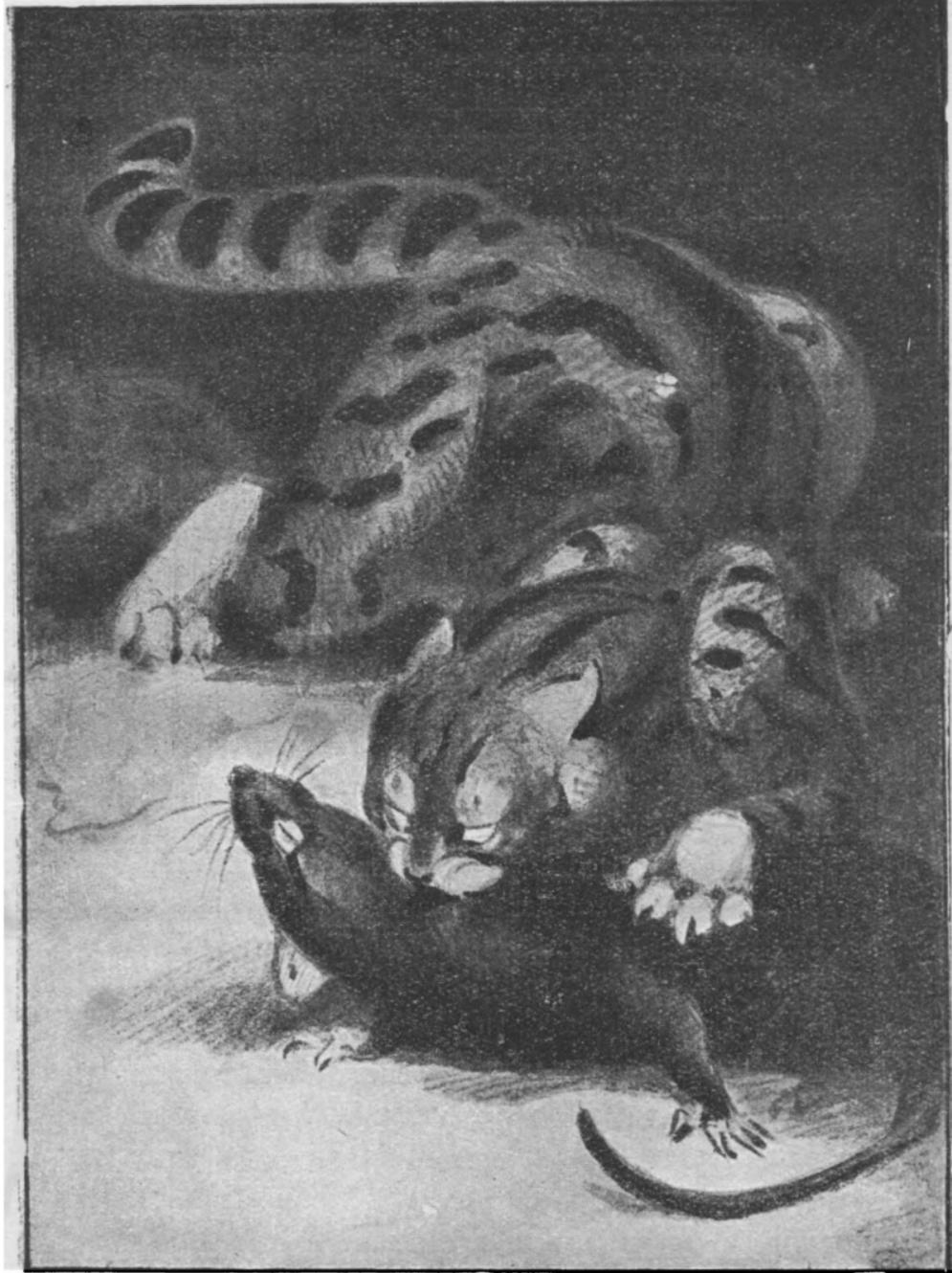
Это была страшная битва.

Кот знал инстинктивно, на что способны обезумевшие от жажды крысы, и, сколько исполинская крыса ни кусалась, ни царапалась, ни извивалась, он ни на мгновение не выпускал ее из когтей. Ее ярость и свирепость были поистине страшны. Она казалась бешеной. Она так извивалась, что казалось, вот-вот вырвется, пожертвовав той частью спины, которая была в лапах кошки. Она готова была вытерпеть всякую боль, лишь бы удалось перевернуться, подскочить и вцепиться зубами в горло врага.

И кот знал это. Вот почему он не выпускал крысу, все глубже и глубже вонзал в нее зубы пока...

Пронзительный вопль, страшная судорога—и голова исполинской крысы повисла без сил, качаясь из стороны в сторону, а длинный хвост несколько раз ударил по полу.

С быстротой змеи кот выпустил приконченного противника и отскочил—как раз во-время, чтобы встретить атаку еще двух крыс. Эти были маленькими по сравнению с первой, но они совсем обезумели от мук жажды, которая для крыс является самым страшным бичом.

Кот не выпускал крысу, а все глубже и глубже вонзал в нее зубы...

Быстро, как молния, мелькнула правая лапа кота, и ближайшая крыса покатилась по полу, скорченная и бездыханная. Следующую крысу кот встретил обеими лапами и зубами, и с ней тоже возиться не пришлось. Даже пикнуть она не успела, как уже лежала мертвой.

Еще одна крыса, пошедшая было в атаку, слишком поздно переменяла намерение, и тоже была задушена в той позе, в какой попала под лапу кота.

После этого кот оказался вдруг один. Крысы все точно сгинули. Но когда он повернулся к водохранилищу, он увидел, что две крысы находятся в нем, беспомощно плавая кругом, а штук пять стоят снаружи. Когда он перевел взгляд на чан, глазам его представилась неожиданная картина: три крысы и черная кошка мирно утоляли жажду бок-о-бок.

К счастью для него, у кота хватило сообразительности подождать, пока крысы напьются вволю. Если бы он этого не сделал, то крысы скорее разорвали бы его на части, чем допустили бы стать между ними и водой. Выбора у них не было. Утолить свою жажду было для них вопросом жизни и смерти, и ради этого они пошли бы на что угодно. На то они и крысы.

Но когда они напились, вместо сражения произошла только дикая стремительная охота. Коту на этот раз помогала и кошка, а крысы, утолив свою жажду, не видели необходимости подвергать себя ненужному риску. Они обратились в бегство и мгновенно бесследно исчезли. Если бы не трупы

их убитых товарок, можно было бы думать, что их никогда тут и не было.

Матерой полосатый кот оглядел поле сражения. Многих крыс он знал на своем веку, но никогда не видал таких сумасшедших... а в особенности никогда не встречал такой, как та исполинская крыса, которая явилась первой. Это были, без сомнения, крысы, спасшиеся, как и он, от кораблекрушения. Если они не околели от жажды, то только потому, что на стеблях трав и в углублениях между камней находили достаточно влаги, собираемой по каплям, чтобы кое-как влачить существование.

И кошка делала, вероятно, то же самое. Если раньше шли дожди, то от них в ямках набиралось достаточно воды на некоторое время. Она тоже спаслась, вероятно, от кораблекрушения.

Но кошка куда-то исчезла.

Кот быстро оглянулся, опять насторожившись, готовый, если нужно, отразить ее враждебные действия. Но теперь в этом не было нужды. Страшное выражение в ее глазах исчезло вместе с жаждой. Теперь она ответила на его взгляд ясным, дружелюбным взглядом. А затем, подняв хвост трубой, подошла к нему, нежная и ласковая, и что-то замурлыкала.

Так они живут теперь вдвоем, кот и кошка, не считая четырех славных котят. И если вам когда-либо случится попасть на этот островок, вы, наверное, найдете их там.

ТРУЩОБНАЯ КОШКА

Рассказ Э. Сэттона-Томпсона.

Жизнь первая

I

— Мя-я-со! Мя-я-со!—пронзительно раздавалось по Скремперскому переулку. Все кошки околотка сбегались на этот призыв, между тем как собаки, надо признаться, сохраняли вид презрительного равнодушия.

— Мя-я-со! Мя-я-со!—раздавалось все громче и громче, пока не появился и самый центр притяжения—грязный всклокоченный человек с тачкой и целой свитой разнообразных кошек, подтягивавших ему почти однородным криком. Через каждые пятьдесят шагов,—то-есть, как только собиралась достаточная гурьба кошек,—тачка останавливалась. Человек с пленительным голосом доставал из ящика вертел, униженный кусочками сильно пахнущей вареной печонки, которые поочередно спихивал с вертела посредством длинной палки. Каждая кошка схватывала по куску и, слегка прижав уши и метнув

по сторонам краткое урчание и злобный взгляд, бросалась прочь, чтобы насладиться своей добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!—и все прибывали новые кошки за своими порциями. Все они хорошо были известны печоночнику. Вот—Тигровая крадется, Кастилионе; эта вон—Черная Джонса; здесь—Черепашовая Пралицкого; вон—Белая, хозяйку которой зовут Дантон; там вот—Ангорская Бленкинсофа; а тот, что залез на тачку, не кто иной, как старый Оранжевый Билли Сойера,—наглый плут, никогда не имевший финансового обеспечения. Каждую кошку надо было помнить и вести ей особый счет. Вот бежит кошечка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю; зато вон та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает поменьше кусочек, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает двойную порцию в награду за щедрость хозяина; не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя последний не дает, а требует денег. Вот доверчиво прибегает в толпе других черная кошечка с белым носиком,—но, увы, ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она была завсегдатаем тачки в течение долгих месяцев. Откуда эта жестокая перемена, превосходящая ее кошачье разумение? Печоночник-то сам хорошо знает, в чем дело. Хозяйка этой кошки перестала ему

платить. У него нет никаких книг кроме памяти, но память ему никогда не изменяет.

В придачу к избранной кошачьей аристократии за тачкой следили еще и другие кошки, не числящиеся, так сказать, в списках высшего общества и дожидавшиеся на почтительном расстоянии, привлеченные дивным ароматом и слабой надеждой на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая обитательница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем попало,—тощая и не очень опрятная. Она следила одним глазом за тачкой с едой, а другим—нет ли поблизости собак. С ухватками тигров десятки кошек удалились, унося свои упойтельные порции у нее на глазах, и все не представлялось никакой надежды на поживу. Но вот большой кот ее же сословия скакнул на одного из счастливцев, чтобы отнять у него добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне, и не успел вмешаться печочник, как серая трущобная кошка уже ухватила кусок и была такова.

Она протиснулась в отверстие боковой калитки Мензи, перескочила через заднюю стену, затем уселась и проглотила кусок печонки, облизнулась и, испытывая чувство безусловно блаженства, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дожидалось ее семейство. Вдруг ей послышалось жалобное мяуканье. Она прибавила шагу и поспела во-время,—большой черный кот преспокойно пожирал ее выводок. Хотя

он был вдвое больше ее, она напустилась на него с такой яростью, что кот, как это часто делают животные, застигнутые на месте преступления, бросился в бегство. Из котят уцелел всего один—маленькое серое существо, похожее на мать, но с более определенной окраской,—серый с черными пятнышками и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста. Нечего и говорить о горе матери; но вскоре оно утихло, и вся любовь и забота обратились на выжившего малютку. Нельзя сомневаться в том, что в намерениях старого хищника не было и тени доброжелательности; а между тем он оказался косвенным благодетелем и матери и ее выкорыша, так как положение их благодаря уменьшению семейства значительно улучшилось. Ежедневные поиски за пищей продолжались. Печоночник редко приносил им счастье, но мусорные ящики всегда бывали налицо, и хотя в них не было мяса, но всегда оказывались картофельные очистки, способные заглушить голод хотя бы на один день.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах, исходивший с Восточной реки, в конце переулка. Новый запах всегда вызывает к исследованию, когда же он оказывается привлекательным, естественен один только путь. Этот путь и привел кошку в док и отсюда на набережную, вдали от всякого прикрытия кроме ночной темноты. Внезапное рычание и звук быстрых шагов впервые уведомили ее, что путь к бегству отрезан ее

давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было. Она перескочила на распространявшее рыбный запах судно. Собака не могла последовать за нею, и когда рыбацкое судно утром отправилось в путь, кошка поневоле отчалила вместе с ним.

II

Тщетно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Он сильно проголодался. К вечеру невыносимый голод заставил его пуститься в поиски за пищей. Он выполз из ящика и стал скитаться по мусорным кучам, обнюхивая все, что казалось съедобным, но не нашел ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц Джапа Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов и увидел множество заключенных в клетки живых существ. На ящике в углу праздно сидел негр. Он увидел маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Тот миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Лисица с пушистым хвостом находилась в эту минуту в дальнем углу. Она припала к земле. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь к решетке, просунув голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой, но в тот же миг был схвачен

караулившей его лисицей. Послышался испуганный писк. Лисица тут же бы прикончила котенка, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он также не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный и обильный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая глазами в страхе.

Негр вытащил котенка из клетки. Крошка был невредим, но как бы ошеломлен. Он шатаясь сделал несколько кругов, затем медленно пришел в себя, а через несколько минут, когда вернулся продавец птиц Джап¹ Мали, мурлыкал на коленях у негра, как ни в чем не бывало.

Джап был вовсе не восточным человеком, а чистокровным уроженцем лондонского предместья, но у него вместо глаз были такие крошечные прорезы, как бы нечаянно вставленные наискось на плоском круглом лице, что первоначальное его имя окончательно было забыто за выразительной кличкой «Джапа». Он не проявлял особой жестокости к птицам и животным, продажа которых давала ему средства для жизни. Он только соблюдал свою выгоду и знал, какие животные были ему нужны. Трущобный котенок не был нужен ему.

Поэтому негр, накормив малыша всласть, отнес его в отдаленный квартал и оставил там на дворе железного склада.

¹ Д ж а п — Японец. (П р и м. р е л.).

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два, на три дня, и под влиянием накопленного тепла и энергии котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, с любопытством поглядывал на висевшие за окнами далекие клетки с канарейками, заглянул за забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час. Его разбудило легкое фырканье. Перед ним стоял большой черный кот с сверкающими зелеными глазами; коренастая шея и широкая челюсть указывали на его мужской пол; на одной из щек белел рубец, и левое ухо было порвано. Выражение его глаз было мало приветливо; уши слегка прижались назад, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя. Тот потерялся челюстями о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последним, что увидел котенок, был кончик хвоста, подергивавшийся вправо и влево; малютка не подозревал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда он отважился войти в клетку лисицы.

С приближением ночи котенок почувствовал голод. Он тщательно изучил длинный, невидимый и разнородный поток, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он последовал

за ним, повинуюсь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором. В нем ему удалось разыскать кое-что, могущее сойти за пищу, после чего он утолил жажду в стоявшей под краном кадке с водой.

Ночь прошла главным образом в отыскивании пищи и изучении особенностей двора. Следующий день был, как и предыдущий, проведен в сладком сне на солнышке. Так шло время. Иногда котенок находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой по большей части бывала на своем месте, а при ее отсутствии на камне под краном всегда оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик был чрезвычайно ненадежен. Однажды он целых три дня оставлял котенка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, найдя небольшое отверстие, прополз в него и очутился на улице. Прежде чем он успел углубиться в этот новый мир, что-то ринулось, зашумело—налетела с размаху большая собака, и котенок едва-едва успел вбежать, обратно сквозь дыру забора. Он был страшно голоден и был рад тому, что нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей мучения голода. Утром он не стал спать, а снова отправился на промысел. Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок видел их другими глазами. Неотступное чувство голода разбудило теперь в нем

Перед ним стоит большой кот с сверкающими зелеными глазами

хищнические инстинкты; эти воробьи изображали для него добычу—они могли превратиться в пищу. Котенок машинально припал к земле и стал красться в их сторону, но воробьи были проворнее его и всегда вспархивали во-время. Много раз он безуспешно повторял попытку для того лишь, чтобы окончательно зачислить воробьев в разряд предметов, годных для еды, если только удастся заполучить их.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котенок снова отправился на улицу с решительным намерением найти что-нибудь поесть. Он отошел уже на порядочное расстояние от спасительной щели, когда несколько маленьких мальчиков принялись кидать в него кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака, и положение беглеца становилось угрожающим, как вдруг он увидел железную решетку перед фасадом одного из домов и поспешил укрыться за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Тогда мальчики бросили бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, как тень, проскользнул обратно к своему двору.

Так шли день за днем в продолжение двух месяцев. Котенок вырос и возмужал и приобрел некоторые понятия о ближайшей местности. Он

познакомился с Даунейстрит, где каждое утро можно было видеть целые ряды мусорных ящиков, и составил себе своеобразное мнение о владельцах последних. В его глазах большой дом вовсе не был католической миссией, а местом нахождения мусорных ящиков, всегда изобилующих отборными рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также и с печоночником и примкнул к робкой стае беспризорных кошек. Пришлось ему также встретиться и с собакой с верфи и с несколькими другими страшилищами этой породы. Он знал, чего ждать от них и как их избегать, и вскоре, к своему счастью, изобрел новый промысел. Много тысяч кошек, несомненно, топтались в тщетной надежде вокруг заманчивых кубышек с молоком, оставляемых утренним разносчиком на порогах и подоконниках; но счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка на кубышку со сломанной крышкой, что подало ему мысль попытаться поднять ее и напиться всласть. Бутылки, разумеется, были ему не под силу, но не мало попадается кубышек с плохо прилегающей крышкой, а наш котенок всячески старался разыскать их. Мало-помалу район его исследований расширялся, пока он не изучил всего квартала и, проникнув дальше, не очутился еще раз среди боченков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, в нем он не чувствовал себя дома. Здесь же в нем сразу проснулось чувство

собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчания, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в стороны: незнакомец через стену, а трущобный котенок под тот самый ящик, в котором он родился. Все эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он основался здесь на жительство. Во дворе имелось не больше питательных отбросов, нежели в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали мыши, не только снабжавшие иногда котенка вкусным блюдом, но и давшие повод к приобретению им друга.

IV

К этому времени котенок обратился уже в настоящую кошку. Ее бледносерая шкурка украшалась черными полосами, а черные и белые родинки на носу, хвосте и ушах придавали ее наружности изящный вид. Несмотря на то, что она вполне изучила искусство промышлять пищу, ей иной раз приходилось голодать по несколько дней, и честолюбивое желание изловить воробья все еще оставалось неудовлетворенным. Она была совсем одинока, но тут в ней пробудилась новая сила.

Однажды в августе юная Трущобница нежилась на солнце, когда на стене, идя к ней навстречу, показался большой черный кот. Она тотчас узнала

его по рваному уху. Киска попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Он осторожно подвигался вперед, легко перепрыгнул на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос желтый кот. Черный взглянул на него с рычанием, желтый отвечал ему тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с заложенными назад ушами, с напряженными мускулами.

— Яу-яу-яу,—сказал черный.

— Уау-у-у,—прозвучал более густой ответ.

— Я-уау-уау-уау,—сказал черный, передвигаясь на миллиметр ближе.

— Яу-у-у,—ответил желтый и, выпрямившись во весь рост, с необычайным достоинством ступил вперед.—Яу-я,—и он ступил еще раз.

— Я-уау-яу-у,—взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на полмиллиметра перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна и слышались людские голоса, но коты оставались на месте.

— Яу-яу-у,—загремел желтый, понижая голос по мере того, как голос черного повышался.—Яу,—и он шагнул вперед.

Теперь их носы отстояли на каких-нибудь семь сантиметров друг от друга, они держались боком, оба готовые вцепиться, но каждый дожидался другого. Минуты три они молча пожирали друг друга

взглядом, неподвижные, как изваяния, если не считать подергивания в кончике хвоста.

Затем желтый начал сызнова:—Яу-у-у,—низким басом.

— Я-а-а-а-а,—завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время еле заметно отступая. Желтый ступил чуточку вперед; теперь усы их смешивались; еще шаг, и носы их чуть не коснулись друг друга.

— Я-у-у,—протянул желтый, наподобие глубокого стога.

— Я-а-а-а,—взвизгнул черный, отступая на волосок,—и желтый воин ринулся и впился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались, в особенности желтый!

Как они скребли, таскали и мяли друг друга, но в особенности желтый!

Кубарем через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще желтый на черном, они катились все дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей у окон. Даже во время падения они не потеряли ни секунды, царапая друг друга безостановочно. Когда же они коснулись земли, все еще продолжая борьбу, верхним оказался желтый; и когда они, наконец, расстались, каждому досталось вдоволь, но больше всего черному. Он взобрался на стену и, ворча и истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо желтый кот был очень искусным сыщиком, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась; как бы то ни было, он нашел ее среди ящичков, и она не попыталась бежать, вероятно, потому что присутствовала при поединке. Желтый кот и киска вскоре подружились. Не то, чтобы они делили жизнь и пищу друг с другом—это не в обычае кошек,—они только признали друг за другом особого рода приятельские права.

V

Сентябрь прошел. Наступили октябрьские дни, и в старом ящике из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пять котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. В этом было для нее нечто чудесное. Она испытывала весь восторг, всю радость, доступную матери ее породы, и любила и облизывала их с нежностью, удивившей бы ее самое, если бы она была только способна рассуждать.

В ее жизнь вошла новая радость, но прибавились также новые заботы. Теперь все ее силы уходили на розыск пищи. Бремя увеличивалось по мере того, как росли котята. Через шесть недель они начали лазить между ящичков и проделывали это каждый день, как только мать уходила на промысел. В трущобном мире хорошо известно, что беда идет тучей, а счастье—полосой. Киска

только что пережила три схватки с собаками и получила несколько ударов от негра Мали во время двухдневной голодовки. Затем произошел поворот. На следующее же утро она застала молочную кубышку без крышки, успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и нашла большую рыбью голову,—все это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать один только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. В памяти встало воспоминание о прежних охотах; она не знала, что это за зверь, но она убила и съела не одну мышь на своем веку, и заключила, что это, вероятно, крупная мышь, с коротким хвостом и большими ушами. Киса подкралась с излишней осторожностью: маленький кролик только выпрямился и, казалось, слегка потешался над нею. Он и не попытался бежать, и кошка без труда схватила его. Не будучи голодной, она отнесла его к ящику, и уронила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что он не сможет выбраться из ящика, пристроился к котяткам; когда же они начали ужинать, он, не задумываясь, присоединился к ним. Трущобница опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но отсутствие голода спасло кролика и дало возможность материнскому инстинкту всплыть на поверхность. В результате кролик сделался членом

семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятами.

Прошло две недели. Котята много резвились среди ящиков в отсутствие матери. Кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Джап Мали приказал своему негру перестрелять их. Тот успел застрелить их одного за другим и проследить их падение в отверстия поленицы, когда на стене показалась кошка с пойманной ею на верфи крысой в зубах. Он готовился застрелить и ее, но вид этой крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить. Эта крыса оказалась первой, когда-либо пойманной ею, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, где, к ее удивлению, ни один из котят не явился на зов, а кролик отказывался приняться за крысу. Она стала кормить его, продолжая время от времени призывать котят. Заслышав мяуканье, негр прокрался к ящику и, заглянув в него, увидел, к величайшему своему изумлению, что в нем находятся кошка, живой кролик и мертвая крыса.

Мать-кошка пригнула назад уши и зарычала. Негр удалился, но через минуту на отверстие ящика опустилась доска, и ящик вместе с его обитателями, живыми и мертвыми, был препровожден в птичий подвал.

— Смотри-ка, хозяин,— вот где кролик, который затерялся. А ты-то думал, что я его украл.

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и выставляли как образец счастливого семейства в течение нескольких дней, пока кролик не захворал и не умер.

Кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке; нужды нет, что ей вдоволь давали пить и есть, она тосковала в неволе—и весьма вероятно, что получила бы теперь желанную «свободу или смерть», если бы во время четырехдневного заключения не вылизалась и вычистилась так, что ее необычайная окраска выступила наружу, и Джап решил оставить ее у себя.

Жизнь вторая

VI

Джап Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешевыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что «англичанин» соглашался делить с ним стол и кровать и вообще допускал полное равенство, которого он тщетно добивался у чистокровных американцев.

Джап считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что главным источником его доходов были укрывательство и выдача краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмами. Но Джап не унывал. Он

по-своему был не без некоторого честолюбия, и ему подчас бывало лестно сходить за знатока. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку Общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями; во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская. Экспоненту пришлось представляться членам, и в результате жалкая ангорская полукровка была отвергнута с негодованием.

Единственными интересными столбцами газет для Джаппа были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек, что не мешало ему однажды вырезать и сохранить заметку о «продаже на мех». Этот клочок бумаги был припилен к стене его жилья, и под его влиянием он принялся за жестокий, повидимому, опыт над Трущобницей. Прежде всего он вымазал ее грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения обитающих в ней насекомых двух или трех сортов; затем основательно вымыл ее в теплой воде с мылом, не взирая на вопли и пущенные ею в ход когти и зубы. Кошка была в яростном негодовании, но вскоре над ним одержало верх чувство благотворной теплоты, когда она стала подсыхать и шерсть ее распушилась, выказывая небывалую мягкость и белизну. Джап и его помощник были

очень довольны результатами опыта, и то же должна была испытывать и кошка. Но это было только вступление: самый опыт предстоял еще впереди. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе», гласила газетная заметка. Зима была уже на носу, и Джап Мали выставил клетку киски во двор, защитив ее только от дождя и ветра, и принялся кормить ее, не скупясь, жмыхами и рыбьими головами. Через неделю уже наступила заметная перемена. Она с каждым днем становилась сытее и пушистее,— ей нечего было делать, как только набирать жиру и ухаживать за своей шерсткой. Клетка содержалась в чистоте, и так как шуба кошки делалась пышнее и блестящее с каждым днем, она в половине зимы обратилась в редкостно красивое животное, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной, по меньшей мере, незаурядными отметинами. Джап был очень доволен результатом опыта, и ввиду того, что самый незначительный успех имел на него неумеренное действие, возмечтал о небывалой славе. Почему бы не послать трущобную кошку на приближающуюся выставку? Прошлогодня неудача внушила ему больше осторожности в мелочах.

— Видишь ли, Самми,—сказал он своему сотруднику,—предлагать ее, как бродячую кошку, не годится; но можно так повернуть дело, чтобы умаслить Никербокеров. Прежде всего необходимо

хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь «королевское»,—ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо «королевским». Что ты скажешь, например, о «Королевском Диек», или о «Королевском Саммэ». Однако, постой, это все мужские имена. Скажи-ка, Самми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан, сэр, был моим природным местом, сэр.

— Хорошая штука,—знаешь ли ты,—«Королевская Аналостанка», чорт возьми. Единственная «Королевская Аналостанка» с аттестатом на всей выставке. Умора, да и только,—и оба они захохотали.

— Придется только заготовить аттестат, знаешь ли ты.

Друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной по обычному плану.

Однажды в темные сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сам вручил кошку и ее аттестат распорядителям выставки. Ведение переговоров предоставлено было черномазому. Он был когда-то цырюльником на Шестой Авеню и мог в пять минут облечься большей долей важности и величественного высокомерия, нежели Джап Мали сумел бы выработать в течение целой жизни. Это и было, вероятно, одной из причин, почему «Королевская Аналостанка» встретила почтительный прием на кошачьей выставке.

Джап очень гордился тем, что попал в экспоненты. Когда в день открытия он подошел ко

входу, у него дух занялся при виде целого моря экипажей и цилиндров. Привратник зорко взглянул на него, но пропустил его по предъявлении билета, вероятно, принявши за конюха одного из экспонентов. В зале перед длинными рядами клеток лежали бархатные ковры. Джап крался вдоль боковых рядов, с обычной своей мелочной хитростью поглядывая на кошек разных пород, выскивая свою собственную, но не смея спросить о ней и трепеща в душе при мысли, что подумает это пышное великосветское сборище, если узнает, какую он сыграл с ним штуку. Он обошел все внешние стороны и видел много премированных животных, но нигде не замечал своей трущобной кошки. Внутренние ряды были люднее. Он протискался в толпу, но кошки все не было видно, и Джап решил, что произошла ошибка; вероятно, судьи позднее отказались ее принять. Нужды нет: он заполучил свой входной билет и знает теперь, где находятся ценные персидские и ангорские кошки.

Посредине центрального прохода помещались первоклассные кошки. Вокруг них собралась целая толпа. Вдоль прохода были протянуты веревки, и два полицейских следили за тем, чтобы толпа не задерживалась на месте. Джап пролез в самую давку; он был слишком мал ростом, чтобы заглянуть через плечи, и хотя расфранченная публика сторонилась его, он все же никак не мог подойти к средней клетке, хотя понял из замечаний окружающих, что здесь находится гвоздь выставки.

— Ну, не красавица ли?—сказала женщина высокого роста.

— Что за изящество!—был ответ.

— Как характерно в ней выражение, которое дается единственно веками уточненной обстановки.

— Приятно бы иметь у себя это великолепное создание.

— Сколько достоинства! Сколько спокойствия!

— Говорят, ее родословная доходит чуть ли не до фараонов,—и бедный грязный Джап подивился собственной смелости, побудившей его втиснуть Трущобницу в такое общество.

— Виноват, сударыни,—показался директор выставки, пробиравшийся сквозь толпу.—Здесь находится художник «Спортивной Газеты», которому заказано сделать набросок с «жемчужины выставки», для немедленного опубликования. Могу ли я вас попросить немножко посторониться. Вот так, благодарю вас.

— О, господин директор, не можете ли вы уговорить его продать это великолепное существо?

— Гм, не знаю,—был ответ.—Насколько мне известно, он человек с большими средствами и к нему приступить трудно, а, впрочем, попробую. Как мне сказал его дворецкий, он насилу согласился выставить свое сокровище. Послушайте-ка, куда вы лезете,—проворчал директор обтрепанному человеку, нетерпеливо оттеснившему художника от аристократического животного.

Но непредставительная личность хотела во что бы то ни стало узнать, где водятся породистые кошки. Он достаточно продвинулся, чтобы мельком взглянуть на клетку, и прочел ярлык, гласивший, что «Голубая лента и золотая медаль Выставки Общества Никербокер выданы чистокровной, снабженной аттестатом «Королевской Аналостанке», вывезенной и выставленной известным любителем Дж. Мали, эсквайром. (Не продается.)» Джап перевел дух и снова взглянул. Да, сомнения нет; там, высоко, на бархатной подушке в золоченой клетке, с караулом из четырех полицейских, красуясь яркочерной с бледносерым шубкой, с чуть-чуть зажмуренными голубоватыми глазами лежала его трущобная кошка, скучая, не понимая и нисколько не ценя поднятого вокруг нее шума.

VII

Джап Мали целыми часами оставался около клетки, упиваясь ощущением славы, какого никогда не испытывал в жизни и едва ли предвкушал даже во сне. Однако он понял, что будет разумнее остаться в неизвестности и предоставить ведение дела своему «дворецкому».

Всем своим успехом выставка была обязана трущобной кошке. С каждым днем ценность ее росла в глазах ее владельца; он не имел понятия о тех ценах, какие иной раз выручаются за кошек, и думал, что достиг крайней точки возможного, когда

его «дворецкий» дал директору разрешение продать «Аналостанку» за сто долларов.

Таким образом Трущобница переселилась с выставки в роскошный дом на Пятой Аvenues. Она сразу выказала необъяснимую дикость. Однако ее нелюбовь к ласкам была истолкована как аристократическое отвращение к фамильярности. Бегство от комнатной собачки на середину обеденного стола объяснялось прирожденным, хотя и ошибочным, стремлением избежать оскверняющего прикосновения. Покушения на домашнюю канарейку извинялись примерами деспотизма, к которым она привыкла на своем родном Востоке. Ее ухватки при открытии кубышки с молоком снискали ей всеобщее восхищение. Нежелание спать в подбитой шелком корзине и частые столкновения с оконными стеклами доказывали только, что корзинка недостаточно нарядна, а зеркальные стекла не входили в ее царственный обиход. Неопрятное обращение с коврами доказывало восточный образ мыслей. Частые, но неудачные попытки овладеть одним из воробьев, порхавших в огороженном высокой стеной саду, служили лишним доказательством непрактичности королевского воспитания; что же касается посещений мусорного ящика—они являлись простибельным чудачеством высокородной особы. Ее угощали и ласкали, выставляли и выхваляли; однако она не была счастлива. Киска тосковала по родине. Она скребла голубую ленту на шее, пока не избавилась от нее; билась в

оконные стекла, потому что они казались ей дорогой на улицу; избегала людей и собак, потому что они всегда оказывались враждебными и жестокими, и подолгу сидела у окна, созерцая крыши и задворки и желая снова вернуться к ним.

Но за ней строго следили, никогда не выпускали на двор,—так что блаженные минуты среди мусора и помоев случались лишь тогда, когда они находились в доме. Однако в один мартовский вечер «Королевская Аналостанка» улучила минутку, когда ящики выставлялись на двор для утреннего мусорщика, выскользнула за дверь и была такова.

Нечего и говорить о происшедшем переполохе; но кошка не знала и знать не хотела о нем,—единственной ее мыслью было добраться домой. Возможно, что один только случай привел ее обратно в соседство Грамерси Грэндж Гилля, но как бы то ни было, она объявилась там после ряда мелких приключений. Что же было потом? Она не была дома, а с другой стороны, лишилась верного куска хлеба. Голод уже давал себя знать, но, несмотря на все, она испытывала странное чувство удовлетворения. Некоторое время она прождала, притаившись в палисаднике одного дома. Поднимался резкий восточный ветер, и вдруг он принес ей особо дружескую весть; люди называли бы это скверным запахом с набережной, но для нашей кошки то была желанная весточка из дому. Она протрусила вдоль длинной улицы по направлению к востоку, держась вблизи домовых решеток, то замирая на

месте, как изваяние, то переправляясь через улицу в поисках за тенью, и наконец достигла набережной и воды. Но место оказалось ей неизвестным. Можно было повернуть и на юг и на север. Что-то толкнуло ее повернуть к югу, и, лавируя между складочными доками и собаками, повозками, кошками, извилинами бухты и прямыми решетками, она очутилась часа через два среди привычных запахов и зрелищ; и солнце еще не встало, когда она уже проползла, усталая и хромавшая, сквозь ту же старую пролазу в том же заборе, затем через стену на задворках птичьей лавки—в тот самый ящик, в котором родилась.

Отдохнув как следует, она шаг за шагом подошла к ступеням птичьего подвала, занятая обычными поисками пищи. Дверь отворилась, и появился негр, который крикнул птичьему торговцу в дом:

— Слышь-ка, хозяин, поди сюда. Кто бы это вернулся домой, как не «Королевская Аналостанка».

Джап вышел во-время, чтобы увидеть, как кошка перескакивала через крышу, и оба они принялись звать громко и в то же время умильно, заискивающе: «Кис-кис, бедная киска, иди сюда, киска». Но киска была о них плохого мнения и отправилась рыскать в прежних своих дебрях.

«Королевская Аналостанка» оказалась для Джапа настоящим кладом, по ее милости и лавке прибавилось немало пленников и всяких житейских удобств. Поимка ее представлялась поэтому

чрезвычайно важной. Пустили в ход протухшую говядину и прочие неотразимые приманки, и в конце концов киска, снова зажатая тисками голода, подкралась к большой рыбьей голове, положенной в ящик с ловушкой; карауливший негр дернул веревку от крышки, и, минуто спустя, «Королевская Аналостанка» снова была водворена среди пленников подвала. Джап погрузился в газетные объявления. Вот оно: «5 долларов награды» и т. п. В тот же вечер дворецкий мистера Мали явился в отель на Пятой Авеню с пропавшей кошкой: «Поклон мистера Мали, сэр. «Королевская Аналостанка» возвратилась и находится в соседстве со своим прежним владельцем, сэр. Мистер Мали очень рад возвратить «Королевскую Аналостанку», сэр»... Разумеется, не могло быть и речи о вознаграждении мистера Мали, но дворецкий был доступен всякому предложению и дал понять, что охотно примет обещанную награду и кое-что в придачу.

Надзор за киской после этого увеличился; но вместо того, чтобы разочароваться в прежней голодной жизни и радоваться уютному углу, она становилась все более дикой и раздражительной.

VIII

Наступила весна. Грязные английские воробьи дрались и барахтались под водосточными трубами. Коты вопили ночь напролет на крышах, а семейство в Пятой Авеню подумывало о переезде на

дачу. Уложили вещи, заперли дом и отправились в летнюю свою резиденцию, в пятидесяти милях от города, взяв с собой киску в корзине.

— Как раз то, что ей нужно: перемена воздуха и обстановки, чтобы отвлечь ее от разлуки с прежними хозяевами и сделать ее счастливой.

Корзину поставили на дорожный ящик за каретой. В нее входили новые звуки и мимолетные запахи и снова уходили прочь. Карета переменяла направление. Затем послышался топот многих шагов, корзина снова закачалась; краткая остановка, новая перемена направления, щелканье, хлопанье, продолжительный и резкий свисток, звонки, как у очень большой входной двери; грохот, шипенье, неприятный запах, отвратительный запах, усиливающийся, ужасный, ненавистный, удушливый запах, убийственный, схватывающий за горло ядовитый смрад, вместе с заглушившим вопли бедняжки грохотом. И как раз в тот момент, когда терпению ее наступал конец, мучения прекратились. Она услышала щелканье и хлопанье, явились свет и воздух. Затем человеческий голос прокричал: «Вынуть весь багаж для Сто двадцать пятой улицы», хотя для киски это был, разумеется, лишь бессмысленный человеческий рев. Грохот замирал и наконец совсем прекратился. Но потом тряска возобновилась с обилием звуков и колыханий, но без ядовитого смрада; живо промелькнуло глухое, густое мычание с приятным речным запахом, после чего пошел целый ряд толчков, криков, скрипов,

остановок, щелканий, хлопаний, запахов, прыжков, потряхиваний,—затем еще запахи, еще толчки, большие толчки, малые толчки, газ, дым, визг, звонки, дрожание, вопли, громы, и опять новые запахи, стуки, колыхания, грохот и еще запахи, но все это без ощутительной перемены направления. Когда, наконец, произошла остановка, сквозь крышку корзинки уже просвечивали солнечные лучи. Королевскую кошку переместили в дорожный ящик старомодного фасона; изменив направление, колеса загремели и заскрипели по иного рода дороге; прибавился новый и ужасный звук—лай собак, больших и малых и мучительно близких. Корзинку сняли, и Трущобница оказалась на даче.

Все окружающие были слишком навязчивы. Им хотелось угодить королевской кошке, но почему-то никому это не удавалось кроме, быть может, большой жирной кухарки, на которую она наткнулась, забредши в кухню. Узнав об опасениях, что кошка убежит, кухарка заявила, что «знает, что надо сделать; уж коли кошка моет себе лапы, стало быть чувствует себя дома». Ввиду этого она проворно подхватила недоступное божество в передник и совершила ужасное кощунство, смазав ей пятки салом. Кошка, разумеется, возмутилась—все ее возмущало в этом месте,—однако, когда ее отпустили на волю, она принялась облизывать лапки, и сало пришлось ей по вкусу. Она лизала все четыре лапы в течение целого часа, и кухарка торжествующе объявила, что «уж теперь кошка, наверное,

останется». И точно, Трущобница осталась, но зато обнаружила поразительное и возмутительное пристрастие к кухне, кухарке и помойному ведру.

Хотя хозяева и сокрушались над этими аристократическими чудачествами, они все же были рады видеть «Королевскую Аналостанку» более удовлетворенной и доступной. Через одну-две недели ей стали предоставлять немного больше свободы. Ее охраняли от малейшей неприятности. Собаки научились уважать ее. Ни один человек, ни один мальчик в околотке не помыслил бы швырнуть камнем в знаменитую кошку с аттестатом. Пищи ей давали вдоволь, и все же она не была счастлива. Ей смутно хотелось многого, она сама едва знала чего. Она обладала всем возможным,—но ей хотелось чего-то другого. У ней было много еды и питья, но у молока вовсе не тот вкус, когда можно пойти и лакать сколько угодно из блюдечка; надо выкрасть его из жестяной кубышки, когда подвело живот от голода и жажды, не то в нем не будет смака.

Правда, за домом был двор, не только за домом, но и вокруг него—большой двор, да только он весь был опоганен и отравлен розами. Сами лошади и собаки пахли не так, как следует; вся страна была сплошной отталкивающей пустыней безжизненных противных садов и лугов, без единого жилья и печной трубы на виду. Все это было ей ненавистно. Во всей ужасной усадьбе был только один благоуханный кустик, и тот скрывался

в заброшенном углу. Кошка с удовольствием пощипывала его листочки и валялась на нем; это была светлая точка в усадьбе, но единственная, ибо с самого приезда она не видела тухлой рыбьей головы, ни настоящего мусорного ящика, и, вообще говоря, это было самое непривлекательное, некрасивое место из когда-либо виданных ею. Она, несомненно, удрала бы в самый первый вечер, если бы была на воле. Но воля пришла лишь после многих недель, а пока некоторое сродство с кухаркой создало задерживающую связь. Все же после целого лета недовольства произошел ряд событий, заново ожививший труппобные инстинкты тоскующей узницы.

В деревенскую усадьбу привезли большой тюк товара из порта. Содержимое его не представляет для нас интереса, но дело в том, что он весь пропитался острейшими и пленительнейшими ароматами порта и труппоб. Струны памяти, несомненно, помещаются в обонянии, и прошлое кошки возникло перед нею с опасной властью. На следующий день кухарка «ушла» вследствие возникшего по поводу этого самого свертка недоразумения. Ее уход разрезал связывающие кошку с домом нити, а в тот же вечер младший сын хозяйки, скверный маленький американец, задумал привязать жестянку к хвосту аристократки,—движимый, надо полагать, каким-нибудь доброжелательным намерением. Но кошка ответила на эту вольность движением лапки, вооружившейся для этого случая

пятью большими, как бы рыболовными, крючками. Вой юскорбленного мальчика взорвал мать. Кошка каким-то чудом увернулась от запущенной в нее с чисто-женской ловкостью книжки и бросилась бежать, разумеется, наверх: крыса, когда ее гонят, бежит вниз, собака—прямо, кошка—вверх. Она притаилась на чердаке, укрылась от преследований и дождалась ночи. Тогда, проскользнув вниз по лестнице, она обошла все двери, одну за другой, пока не нашла одну отпертой, и погрузилась в черную августовскую ночь. Черная, как смола, для человеческих глаз, для нее ночь была только серой, и беглянка прокралась между отвратительными кустами и клумбами, щипнула на прощание единственное привлекательное растение в саду и отважно пустилась в путь.

Как могла она найти дорогу, которой никогда не видала? В каждом животном живет чувство направления. Оно очень слабо у человека и сильно у лошади, но кошки обладают им в очень значительной степени. Оно влекло ее на запад,— не то чтобы ясно и определенно, но смутно, пока направление не определилось окончательно тем, что дорога оказалась удобной. Через час она уже сделала две мили и достигла реки Гудзон. Обоняние несколько раз подтверждало ей то, что она избрала правильный путь. Главным вожаком киски было чувство направления, но не кто иной, как ее нос, все время ободрял ее: «Да, теперь верно,—мы проезжали здесь прошлой весной».

Жизнь третья

IX

Кошки могут очень быстро влезать на дерево или стену, но когда дело идет о долгом ровном беге, отсчитывающем одну милю за другой, тогда первенство остается не за кошачьей припрыжкой, а за собачьей рысью. Несмотря на ровную дорогу и прямой тракт, прошел еще целый час, прежде чем кошка прибавила две лишних мили к расстоянию, отделявшему ее от ада роз. Она устала и немножко охромела.

Бедняжка подумала было расположиться на покой, как вдруг по ту сторону забора, под самым ее ухом, раздался ужасающий собачий лай. Киска в страхе рванулась вперед и побежала изо всех сил вдоль по дороге, посматривая в то же время, не может ли собака пролезть сквозь забор. Нет, пока еще нет, но она скакала за ним, издавая ужасное рычание, и кошка переправилась на более безопасную сторону. Собачий лай превратился в глухой грохот—более громкий грохот и рев—в ужасающий гром. Блеснул огонь. Киска оглянулась и увидела не собаку, но надвигавшуюся на нее огромную черную тварь с единым красным глазом, тварь, визжавшую и пыхтевшую, как целая сотня кошек. Она напрягла все свои силы для бегства, достигла еще небывалой скорости, но не решалась перескочить через забор. Она

бежала, как собака, летела, но все напрасно: чудовищный преследователь настиг ее, но промахнулся в темноте и поспешил мимо, затерявшись в пространстве, в то время как кошка, задыхаясь, припала к земле, на полмили ближе к дому, чем была до встречи с собакой.

То было ее первое знакомство с неизвестным чудовищем, впрочем, чуждым только для глаз: нос ее признал в нем еще новую вежу по пути к родине. Но страх, внушаемый ей зверями его породы, значительно убавился. Она убедилась, что они бестолковы и никогда не поймают ее, стоит только залечь под забором и притаиться. Прежде чем наступило утро, она повстречала нескольких из них, но оставалась невредимой.

На рассвете ей подвернулся славный грязный двор, и в куче золы удалось отыскать несколько съедобных отбросов. День она провела в соседстве конюшни, где имелись две собаки и множество мальчишек, едва не прикончивших сообща ее карьеры. Здесь было очень похоже на родину, но она не помышляла остаться. Старое стремление неудержимо влекло ее, и с наступлением сумерек она снова пустилась в путь. Мимо нее весь день пробегали одноглазые громовики, но она теперь освоилась с ними и продолжала бесстрашно бежать всю ночь. Следующий день был проведен в амбаре, где ей удалось поймать мышь; ночь же прошла приблизительно так же, как и предыдущая, с той разницей, что ей повстречалась

собака, загнавшая ее далеко назад. Несколько раз ее сбивали с пути перекрестки, и она забирала далеко в сторону, но всегда современем возвращалась к общему южному направлению. Дни проходили в рысканиях под амбарами и увертывании от собак и ребяташек, а ночь в ковылянии вдоль по дороге, однако она все подвигалась вперед, милю за милей, к югу, все к югу—собаки, мальчики, громовики, голод, собаки, мальчики, громовики, голод... а она все плелась вперед и вперед, и нос время от времени ободрял ее заверением: «Не без того, что мы учуяли этот самый запах прошлой весной».

Х

Так прошла неделя, и кошка, грязная, охромевшая, без ленточки, достигла Гарлемского моста. Несмотря на окутывавшие его ароматы, мост ей не понравился. Она полночи бродила взад и вперед по берегу, не найдя иного способа переправы, кроме других мостов, и не узнав ничего интересного, за исключением того, что мужчины не менее опасны, чем мальчики. Пришлось поневоле возвратиться к мосту; но только запахи его казались ей чем-то родственным, да время от времени, когда мимо пробежал одноглаз, поднимался тот своеобразный глухой грохот, который она слышала во время весеннего путешествия. Вокруг стояла тишина поздних ночных часов, когда кошка вскочила на ряд бревен и понеслась над водой. Она

не пробежала и третьей части, когда с противоположного конца на нее с ревом ринулся гремящий одноглаз. Она сильно перепугалась, но зная глупость и слепоту этих зверей, прильнула к перилам и замерла. Бестолковое чудовище, разумеется, промахнулось и пролетело мимо, и все было бы хорошо, да только оно завернуло обратно, или другое, подобное ему, внезапно запыхтело у нее за спиной. Киска, сломя голову, понеслась вперед. Быть может, она и достигла бы берега, если бы с этой стороны не бросился на нее с воплем третий красноглазый зверь. Она бежала изо всех сил, но оказалась между двух огней. Не оставалось ничего, кроме отчаянного прыжка с моста в неизвестность. Вниз, вниз, вниз,—плеск, погружение в глубокую воду, еще не холодную в августе, но ненавистную для кошки. Она всплыла на поверхность, кашляя и отплевываясь, оглянулась, чтобы узнать, нет ли за ней чудовищ, и поплыла к берегу. Она никогда не училась плавать, но плыла по той простой причине, что положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе. Попавши в неприятное ей место, она, естественно, попыталась уйти и в результате поплыла к берегу. К которому из них? Любовь к родине никогда не обманывает: единственным берегом для нее был южный, ближайший к дому. Вся измокшая, она вскарабкалась на илистый берег и пробралась между грудями угля и кучами сора,—черная,

замазанная, какую только может быть трущобная кошка.

Немного оправившись от потрясения, королевская трущобница почувствовала, что ванна пошла ей в прок.

Нос, память и чувство направления склоняли ее вернуться к старому следу; но прямой путь кишел одноглазыми громовиками, и осторожность пробудила ее свернуть вдоль по речному берегу, с его протухшими напоминаниями о родине. Таким образом она избежала повторения невыразимых ужасов туннеля.

Более трех дней ушло на изучение многообразных опасностей и сложностей набережных Восточной реки. Однажды она по ошибке попала на паром и отправилась на длинный остров, но вернулась оттуда с первым обратным паромом. Наконец на третью ночь она достигла знакомого места, пройденного ею в ночь первого бегства. Отсюда путь был быстрый и надежный. Она в точности знала, куда идет и как добраться. Беглянка прибавила шагу, на сердце стало веселей. Еще немного и она свернется клубочком в ящике на своем родном Востоке—заднем дворе. Еще один поворот, и она увидит знакомые здания. Но, что это? Всей группы зданий как не бывало. Киска не верила глазам, но поневоле пришлось поверить.

Там, где прежде торчали, косились или плющились дома, виднелась пустынная путаница кирпичей, хлама и ям.

Киска обошла кругом. Она знала по виду окрестности, по цвету мостовой, что достигла своего старого пепелища, что именно здесь жил продавец птиц, здесь находился старый двор; но все это исчезло бесследно, унеся с собой все привычные запахи. Любовь к родному месту была главным двигателем всей ее жизни. Она пожертвовала всем на свете, чтобы вернуться к дому, который прекратил свое существование. Она обошла безмолвные кучи сора и не нашла ни утешения, ни пищи. Разорение захватило несколько кварталов и распространилось до самой реки. То не был пожар: киска однажды видела такого рода вещь. Скорее это было похоже на работу целого стада красноглазых чудовищ. Киска не подозревала о большом мосте, которому надлежало воздвигнуться на этом самом месте.

С восходом солнца она принялась искать приютия. Один из соседних кварталов сохранился почти в первоначальном виде, и «Королевская Аналостанка» решила приютиться там. Ей были известны некоторые из тамошних ходов и выходов; но, перебравшись туда, она была поражена обилием кошек, изгнанных, подобно ей, со старого местожительства; теперь на каждый мусорный ящик приходилось по несколько кошек. Это означало голод в стране, и кошка, потерпевши несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома на Пятой Авеню. Она застала его запертым и пустым; прокараулила там целый

день, имела неприятную встречу с высоким человеком в синем пальто и на следующий вечер возвратилась в переполненную трущобу.

Прошел сентябрь, за ним октябрь. Многие из кошек околели от голода или попались по слабости своим врагам. Но наша кошка, крепкая и молодая, все еще была в живых.

В разрушенных кварталах произошли большие перемены. Хотя они и были пустынно ночью, когда она впервые увидела их, в них по целым дням кишели шумные рабочие. К концу октября закончилось высокое здание, бывшее уже в ходу при ее прибытии, и Трущобница, теснимая голодом, однажды прокралась к ведру, оставленному во дворе негром. К сожалению, ведро не было помойным: это был небывалый предмет для данной местности, именно, ведро для мытья полов. Печальное разочарование сопровождалось, однако, крупицей утешения,—на ручке оказались следы знакомой руки. В то время как она изучала их, приставленный к подъемной машине негр снова вышел. Несмотря на синюю ливрею, благоухания его особы подтвердили впечатление, вызванное запахом ручки ведра. Кошка между тем попятилась на ту сторону улицы, он не сводил с нее глаз.

— Неужто «Королевская Аналостаночка»! Слышка, кис, кис, кис-с. Сюда, киска, сюда. Уж и голодна-то, наверно! Негр был прав. Она за несколько месяцев ни разу не поела досыта. Негр вошел

в дом и вскоре вернулся с частью собственного завтрака.

— Слышь-ка, кис, кис, кис.—Это было очень заманчиво, но кошка имела основания не доверять этому человеку. Наконец он положил мясо на мостовую и вошел обратно в дверь. Трущобница осторожно подкралась, понюхала мясо, схватила его и умчалась, как тигрица, пожирать добычу в безопасности.

Жизнь четвертая

XI

Это положило начало новым временам. Теперь кошка стала приходить к дверям дома, когда ей становилось очень голодно, и с каждым днем доброе чувство к негру росло. Она раньше не умела понять этого человека. Он всегда казался ей врагом. Оказалось, что он был ее другом и единственным в целом свете.

Однажды ей выпала счастливая неделя. Семь сытых обедов семь дней подряд; и как раз по окончании последнего обеда ей подвернулась сочная мертвая крыса, настоящая, подлинная крыса, сущий клад; она ни разу не поймала взрослой крысы за все свои разнообразные жизни, но схватила находку и потащила ее, намереваясь припрятать про запас. Кошка переправлялась через улицу у нового дома, когда показался ее старый враг—собака с верфи,—и она, естественно, бросилась к

двери, скрывавшей дружескую душу. Как раз когда она поровнялась с ней, негр распахнул дверь, выпуская хорошо одетого человека, и оба увидели кошку с крысой.

— Ого, вот так кошка!

— Да, сэр,—отозвался негр.—Моя кошка—гроза для крыс, сэр, всех почти переловила, сэр, вот почему она так худа.

— Не давайте же ей голодать,—сказал мужчина, по всем признакам являвшийся домохозяином.—Вы возьметесь кормить ее?

— Продавец печенки проходит каждый день, сэр, четверть доллара в неделю, сэр,—сказал негр, находя, что имеет полное право на добавочные пятнадцать центов за «идею».

— Хорошо, я буду платить.

XII

— Мя-я-со! Мя-я-со!—раздается магнетический, чарующий для кошек крик старого печеночника, подталкивающего свою тачку вверх по переродившемуся Скримперскому переулку, и кошки, как и бывало, стаей сбегаются за своей порцией.

Надо помнить всех кошек черных, белых, желтых и серых, а главное надо держать в памяти всех их владельцев. Обогнув угол нового дома, тачка делает непривычную в прежнее время остановку.

— Эй вы, прочь с дороги, низкий сброд!—кричит печеночник и размахивает своим жезлом,

очищая дорогу для серой кошечки с голубыми глазами и белым носом. На ее долю выпадает необычайно крупная порция, ибо Сам разумно делит доходы пополам, и трущобная киска удаляется со своим обедом под кров большого здания, сделавшегося ее официальным жилищем. Ее четвертая жизнь дала ей счастье, о котором она и не мечтала; теперь же счастье так и лезет к ней. Сомнительно, чтобы путешествия способствовали развитию ее ума, но она хорошо знала, чего хочет, и получила то, чего хотела. Честолюбивая мечта все ее жизни также осуществилась, ибо ей удалось поймать не одного воробья, а двух, в то время как они сцепились в смертельной борьбе на мостовой.

Нет оснований предполагать, что ей когда-либо удалось завладеть еще крысой; но негр подбираетдохлых, где только может, и выставляет их на показ в обеспечение ее пенсии. Покойница оставляется в сенях до прихода домовладельца, а затем с извинением торопливо выбрасывается вон.

— Чтоб ее, эту кошку, сэр... Это аналостанская кровь, сэр, чистая гроза для крыс.

За это время у нее несколько раз бывали котята. Негр решил, что желтый кот—отец некоторых из них, и негр без сомнения, прав.

Он продавал ее несчетное количество раз со спокойной совестью, хорошо зная, что возвращение «Королевской Аналостанки» домой—вопрос лишь нескольких дней. Она отделалась от своей антипатии к подъемной машине и даже приучилась

подниматься и спускаться по ней. Негр упорно утверждал, что в один прекрасный день, когда кошка услышала зов печеночника, находясь на верхнем этаже, она ухитрилась нажать электрическую кнопку машины, чтобы спуститься вниз.

Шерсть ее попрежнему шелковиста и прекрасна. Она не только числится в рядах кошачьей аристократии, но выделяется в ней, как избраннейшая пенсионерка. Печеночник положительно почтителен к ней. Даже вскормленная на сливках и цыплятах кошка хозяина ломбарда не занимает такого положения, как «Королевская Аналостанка». Но, несмотря на все благополучие ее общественного положения, королевское звание и поддельный аттестат, она бывает больше всего счастлива тогда, когда ей удастся улизнуть в сумерки и порыскать по задворкам, ибо в душе она остается и всегда останется бродячей трущобной кошкой.

ДИКАЯ КОШКА

Рассказ А. Калинина

I.

Старому мельнику, грузину Бежану, не спалось. Лежа на длинной деревянной тахте¹, он давно уже ворочался с боку на бок,—беспокойные мысли роились в голове и прогоняли сон. До слуха явно слышны долетали ритмические, чередующиеся с большой правильностью звуки колеса миниатюрной водяной мельницы, или «колотовки».

Колотовка работала без устали, приводимая в движение стремительной струей падающей с обрыва воды.

Бежан думал о том, что скажут ему сегодня мужики, когда приедут за мукой.

— Будут браниться, — рассуждал мельник, — а ведь того не поймут, что колотовка пол-дня не работала—стояла... А тут из деревни явится сын, попросит мучицы. Бедный он, да ведь и мне же

¹ Тахта — так называется на Кавказе широкий диван без спинки, покрываемый ковром. (Прим. ред.).

надо как-нибудь жить на свете—у самого нет лишнего куска... Эх...

И старик поднялся. Заглянув в крошечное окошечко своей избушки, он увидел, что приближается утро.

Полупрозрачная пелена тумана ползла вверх—и выступали горы, блистая своей девственной красотой. В воздухе стояла чуткая тишина, и только резкие звуки колотовки грубо нарушали сладкий покой наступавшего утра.

Бежан открыл низенькие двери и вышел.

Двадцатый год он приблизительно в одно и то же время выходил из этой избушки, направляясь к своей кормилице—колотовке. Отрезанный от родной деревни, отстоящей на пять верст, жил одиноко старый Бежан, жил в надежде, что и умрет спокойно здесь же.

Выйдя на свежий предутренний воздух, старик заметил, что скрытая горами заря разгорается.

— Еще немного-немного, и вспыхнет яркое солнышко,—сказал про себя Бежан.

Бодрой походкой направился он к мельнице, открыл запертые на замок двери, по привычке заглянул в постав, взял щепотку муки на зуб. Потом тщательно осмотрел все предметы, лежавшие на полочке, и вновь запер двери.

Было уже светло.

Старик вспомнил вдруг, что ему что-то нужно сделать, и направился к опушке большого леса. Среди множества самых разнородных деревьев

возвышался кряжистый старый дуб. К нему подошел старик и через небольшое отверстие в стволе заглянул внутрь. Глубокий мрак наполнял дупло дерева, и несколько минут старые глаза Бежана не видели ничего, кроме фосфорического блеска знакомых ему глаз.

Наконец, когда мрак рассеялся, Бежан увидел серую фигуру дикой кошки, сладко растянувшейся в гнезде. Пара котят прикурнули к матери и спали безмятежным сном.

— Спишь? Жива-здорова? Ну и хорошо,— рассуждал старик, отходя от дерева.— И чего ее не любят люди? А мне она любя. Не то, что медведь, или волк, или еще лиса. Эти звери вредные, опасные. А кошку не тронь, так как она тебе еще пользу сделает. Сколько было в колотовке мышей, крыс— почти всех поела. А птицы как раньше таскали зерна? Только выйдешь куда, сейчас влетят и воруют напропалую... А теперь пусть какая осмелится явиться? За что же я буду ее гнать? А узнай наши, что она здесь, сейчас же ей конец— не любят ее, как чорта.

Встретился старый Бежан с кошкой случайно еще в прошлом году. Войдя однажды на мельницу, он заметил, как что-то серое, похожее на домашнего кота, но значительно больше, стремительно выскочило через полуотворенные двери.

Долго недоумевал Бежан. Он никак не мог понять, откуда могла взяться кошка в этом глухом лесу. Не из деревни же! И только потом

сообразил, что это была просто дикая кошка. Много лет прожил Бежан на свете, но дикой кошки никогда не видел.

Вторично встретил кошку Бежан, когда она тащила в зубах крысу из той же мельницы. С этого дня он стал выслеживать ее жилище.

Напрасны были, однако, его попытки открыть ее местопребывание. Только через несколько месяцев, днем, случайно, он увидел ее на ветке дуба, и, когда подошел к дереву, она скрылась, нырнув на его глазах в дупло. Тут и нашел старик ее жилище. С тех пор он каждое утро навещал ее. Сначала кошка дичилась и фыркала, потом так привыкла к безобидному старику, что делала вид, будто не замечает его присутствия.

Старик мельник ценил услуги кошки, истреблявшей мышей, и очень обрадовался, когда она принесла двух котят.

II

Не доверяя полностью этому высокому седому человеку, который ежедневно подходил к ее родному гнезду, кошка долго осматривалась, прежде чем сползла с дерева.

Кошка была желтовато-серого цвета с тремя характерными черными полосками на голове, переходящими в одну широкую, которая ложилась вдоль всей спины.

Несколько веселых и быстрых прыжков унесли ее в лесную чащу. Здесь она легла на толстый

слой прошлогодних листьев и несколько раз перевернулась на спине, выпуская длинные когти. Какой-то посторонний шорох заставил ее сразу подняться на ноги и насторожиться. Тревога оказалась ложной. В чаще дубняка стояла тишина. Приторно-сладкий запах азалий слегка кружил голову, и кошка, игриво подпрыгивая, почти неслышными шагами продолжала углубляться в хорошо знакомый ей лес.

Вдруг она остановилась и внимательно начала всматриваться в то место, где кончался стройный лес и начиналась обширная поляна, вся украшенная роскошными цветами. Как змея, ползла кошка между кустами орешника и травой. Невидимая среди шевелящихся стеблей, она тихо, но безостановочно приближалась к намеченной цели.

В это время, далекий от всякой мысли об опасности, на опушке леса стоял фазан роскошного оперения, поклевывая гусениц, облепивших куст терновника. Этот красавец южно-кавказских лесов только-что собирался криком привлечь к обильной трапезе свою подругу, как вдруг уловил чьи-то приближающиеся шаги и хотел подняться, но в тот же момент когти вонзились в него, и он увидел страшную пасть...

Полетели в сторону перья, хлынула кровь из перекушенного горла—кошке досталась богатая добыча.

Окончив кровавую трапезу, она понесла остатки фазана своим детенышам. Котята мирно спали,

когда мать вскочила в дупло. Радостным мурлыканьем они встретили ее и дружно принялись уничтожать мелкие кусочки вкусной дичи.

III

Зима явилась незаметно. В горах лег глубокий снег, и оттого внизу было прохладно. По утрам оголенные деревья слезились. Это густые ночные туманы оставляли сырость.

Все было неприветливо, уныло, и один самшит¹, не покоровшись наступившему холоду, продолжал гордиться своим зеленым убором.

Речка стремительно несла свои воды, и трескучая колотовка без усталости молотила кукурузу.

Потянулись ночи, скучные и длинные. Бежан большую часть суток лежал у себя в избушке, то и дело подкладывая дрова в бухар². Иногда он от скуки бродил по лесу, шурша прошлогодними листьями. Подходил к знакомому дубу и бросал привычный взгляд в глубокое дупло, где встречал горевшие блеском глаза кошки.

Давно уже выращенное ею молодое поколение начало самостоятельную жизнь, давно котята разбежались по лесу, навсегда покинув мать. А она не хотела расставаться со старым насиженным местом.

¹ Кавказская пальма.

² Камин.

(Прим. ред.).

Тоскливо стало кошке, когда в один из осенних ненастных дней, проснувшись, она не нашла своих детей.

Но наступало тяжелое время—лес становился пустым; многие его обитатели на время исчезли. И старая кошка отчасти была довольна уходом детей—часть забот о пропитании теперь отпадала. Хотя теперь и ее аппетит уменьшился благодаря постоянному лежанию в теплом гнезде, но голод иногда выгонял ее в лес, и она искала добычу. Частенько заглядывала она и на мельницу, беспощадно истребляя мышей и крыс.

В лесу выпал снег. Первый снег в эту зиму. Мягким пушистым ковром он лег на землю, нарядным убором одел деревья. Холодно стало кошке, и она глубже зарылась в свое гнездо, сделанное из мягкого теплого мха.

Спустились и легли на землю зимние сумерки. Лес казался пустынным и мертвым.

С обычной осторожностью вышла кошка из своего убежища и повела кругом хищной мордой. Ничего нового не уловил ее слух, только стучала без устали мельница, как всегда.

Голод неприятно давал себя чувствовать—кружилась голова и слегка тошнило. Смело направилась кошка к мельнице и пролезла через отверстие внутрь. Здесь она сразу же уловила так хорошо знакомый ей запах мышей. Притаившись за поставом, она стала прислушиваться. И долго, очень долго пришлось ей ждать, пока неосторожная

мышь выползла из норки и попалась ей в когти. Но это не могло утолить голода.

Отсюда кошка побежала в лес, все время озираясь по сторонам и стремясь своими острыми глазами уловить присутствие добычи.

Вдруг она уменьшила шаги, прижалась к земле и ползком направилась к маячившему в темноте кусту. Подойдя к нему очень близко, она сделала стремительный прыжок и вскочила на спавшего в логовище зайца.

Раздались резкие крики грызуна. Кошка утоляла свой голод...

IV

Было так весело в лесу. Так радостно звенели голоса певчих птиц, так нежно разливали благоухание цветы. Деревья в полном соку стояли величаво спокойные, вокруг раздавался лепет молодой поросли, волнуемой ветерком.

Попрежнему дикая кошка жила в дупле могучего дуба, и снова обзавелась она детенышами. На этот раз их было трое. Кормила их мать молоком, но приучала и к мясной пище.

Реже и реже приезжали и приходили с помоллом, и Бежан целыми днями не видел людей. Раз или два в месяц приходил сын с внуком, худой, болезненный. Жаловался на бедность, неурожай, просил мучицы и уходил, когда Бежан высыпал ему в подставленный мешок гарница три свежего помола.

Старик сидел у избушки, когда на дороге, ведущей к мельнице, показались два человека с ружьями; впереди бежали собаки. Это были городские охотники. Дед встал и пошел им навстречу: слишком необычно было появление охотников в этих местах.

Обменявшись приветствиями, охотники попросили старика указать им лучшее место для охоты. Бежан жаловался охотникам, что зимой иногда волки близко подходят к избушке.

— А теперь все пусто,—добавил старик.

Охотники присели, отдохнули и направились в лесную чащу. Одна из собак вдруг остановилась у дуба, где жила кошка, и подняла оглушительный лай. Охотники взглянули вверх и заметили дикую кошку, которая быстро опустилась в отверстие дерева и исчезла.

Тщательно осмотрев дерево, охотники нашли отверстие.

— Э, да тут целая семья,—радостно воскликнул один из них.

Охотники нашли своего злейшего врага, соперника по истреблению дичи и решили не щадить его.

Бежан заметил, что его соседка найдена, и поспешил к дубу.

Напрасно он упрашивал охотников не трогать ее, напрасно описывал ее подвиги по части истребления мышей.

Оставив детеныша, кошка ошетилилась и, дико рыча и фыр-

Пустился было старик на хитрость—начал доказывать, что она не кровожадна и даже кроткая.

Не поверили охотники и, чтобы выгнать ее из дупла, достали пук сухой травы и, всунув его в боковое отверстие, зажгли.

Старая кошка давно насторожилась, услышав необычный шум и разговор. Сердце ее тревожно забилось, когда она явственно уловила посторонний шорох над головой.

И вдруг она заметила, как что-то постороннее и совсем необычное появилось в дупле. Появилось и вспыхнуло страшным огоньком. Раздался треск, и едкий дым наполнил внутренность дерева.

Кошка поняла, какая опасность надвинулась на нее, и, инстинктивно схватив первого попавшегося котенка в зубы, выскочила через верхнее отверстие.

Быстрыми шажками спустилась по ветке дуба и прыгнула на землю. Собаки яростно бросились на храбрую мать. Началась борьба. Оставив детеныша, кошка выгнула колесом спину, оцетинилась и, дико рыча и фыркая, начала прыгать на собак и наносить им страшные царапины своими гибкими заостренными когтями. Собаки опешили и, растерзав ее детеныша, не осмеливались схватить старую кошку.

Охотники с любопытством наблюдали картину борьбы и не решались стрелять, чтобы не убить нечаянно собак.

Но вот, сделав ловкий прыжок и выхватив по пути клочок шерсти с одной из собак, кошка шмыгнула в лесную чащу.

Со страшным лаем за ней бросились собаки.

Она помчалась вверх, перепрыгнула через речку и скрылась в расщелине скалы.

Здесь кошка среди сухих прошлогодних листьев заметила дыру и на минуту остановилась. Ей все казалось, что позади бегут собаки. Ужас только-что пережитого давил ее. Поэтому, не задумываясь, она нырнула и спряталась в отверстие. Затейливая, извилистая нора ввела кошку в подземный мир. Среди мрака она прекрасно видела темные, местами усеянные торчащими камушками, своды норы. Любопытство и страх толкали ее вперед, и она мало удивилась, когда в глубине заметила какого-то живого шевелящегося зверка.

Это был барсук. Притаившись, он смотрел испуганными глазами на приближавшегося врага. А когда кошка прыгнула к нему, пустился бежать, наполнив подземелье дикими криками.

Глухой волной пробежали крики бурсука и заставили содрогнуться все барсучье племя. И в разные выходы—а таких выходов было много—помчались испуганные, осторожные барсуки. В страхе бросили они насиженное место и умчались подальше.

Кошка сделалась хозяйкой готовой квартиры. Здесь было не так удобно, как в дупле дерева,

воздух стоял тяжелый, было грязно, но зато безопасно, и это успокоило ее.

В это время сконфуженные и израненные собаки вернулись ни с чем.

Один из охотников достал из гнезда оставшихся котят и охотно уступил их Бежану.

— Чудак-старик, хочет взять такую дрянь. Ну и бери, если они пригодятся тебе. Только помни—подрастут, так не увидишь—убегут в лес...

V

Взяв котят, Бежан побрел к своей избушке.

Покрытые пушистой шерстью, с поперечными темными полосками, эти маленькие зверки были очень похожи на домашних кошек, только глаза их горели злобно и недоверчиво.

Бежан устроил им гнездо в ящике, дно которого выстлал мхом и травой. Ящик он поставил в мельничном помещении.

— Пусть ловят мышей,—решил старик.

Но велико было его удивление, когда на следующее утро он нашел ящик пустым. Котят не было.

Бежан решил, что они нечаянно попали в реку.

А случилось вот что.

Кошка не могла побороть в себе сильного желания узнать, что сделалось с ее детенышами. Когда наступила ночь, она, крадучись и озираясь, подошла к страшному месту. Не найдя котят, она

побежала сначала к избушке мельника, потом вскочила в мельницу и здесь увидела их.

Нужно было спешить, и кошка потащила в зубах одного из детенышей к тому месту, где угрюмый лес своей стеной подходил к диким скалам.

Водворив котенка в новом жилище, она помчалась за вторым. Все семейство находилось теперь попрежнему вместе.

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

(Истинное происшествие)

Нигде так привольно не живет крупная дичь, как в Америке. В ее распоряжение предоставлен весь огромный Йеллостоунский парк, где спокойно бродят стада лосей, оленей и антилоп, охраняемые двумя отрядами кавалерии от винтовок охотников. Даже и более дикие животные, встречающиеся здесь,—медведи, пантеры, волки—находятся под защитой закона и вследствие этого размножились до такой степени, что попадают то и дело на глаза обитателям парка. Есть тут даже несколько бизонов, последних представителей почти вымершей породы; но жизнь их находится в постоянной опасности благодаря тому, что настоящие бизоньи шкуры ценятся теперь очень дорого.

Однако даже и двум отрядам дозорных, объезжающих парк, летом верхом, а зимой на лыжах, не всегда удается уберечь дичь: браконьеры¹ из соседних штатов Виоминга, Идахо и Монтаны употребляют всевозможные уловки, чтобы нарушить закон и обмануть бдительность патрулей.

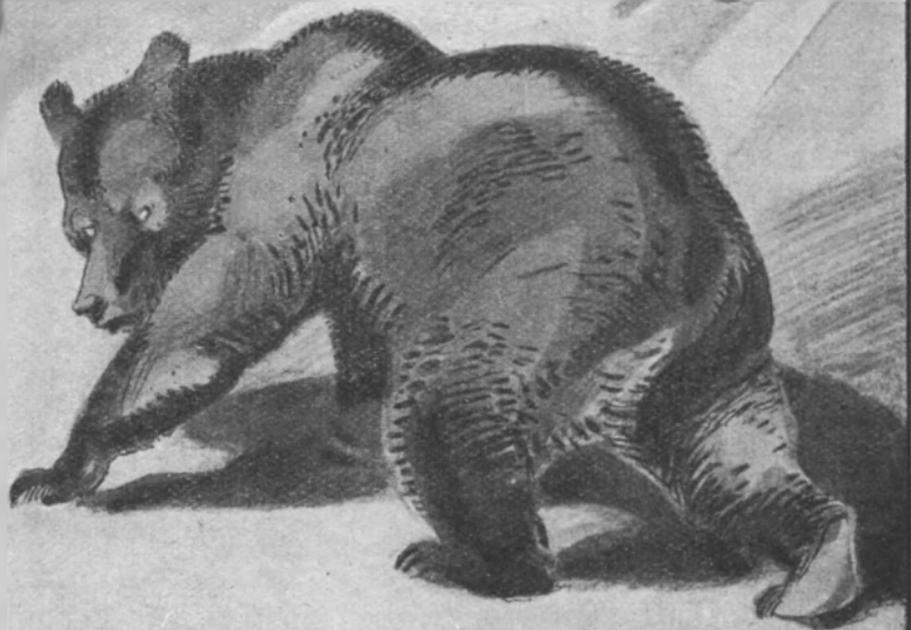
¹ Охотящиеся за дичью в чужих владениях. (Прим. ред.)..

Само собой разумеется, в этом парке, где охота воспрещена законом, дичь сделалась очень ручной. Олени и лоси бродят стадами возле форта Йеллостоуна; медведи до того расхрабрились, что подходят к самым домам и поедают все выбрасываемые объедки. Недавно большой медведь забрался в лагерь и уже запустил было лапу в палатку, где хранится провиант, когда возмущенный такой дерзостью повар прогнал его дубиной. Даже в этом раю диких животных медведям не позволяется красть.

С одним бурым медведем произошел не так давно довольно курьезный случай.

У Криса Бернса, старшего унтер-офицера в отряде Д., была кошка. Эта кошка забрела как-то летом, во время лагерей, в его палатку, да там и осталась. По целым дням она лежала, свернувшись клубочком, на паре казенных одеял и гордо поглядывала вокруг, как бы бросая вызов всему свету вообще и собакам в особенности. При появлении собаки каждый волос на ее спине вставал дыбом, глаза загорались, как раскаленные угли, а хвост грозно топорщился. Если же собака подходила близко, она так свирепо шипела и обнаруживала такое враждебное настроение, что незванная гостья спешила убраться по-добру, по-здорову.

Однажды, когда солнце жгло нестерпимо и солдаты прятались по палаткам, изнывая от зноя, с гор спустился любознательный бурый медведь. Может быть, он от природы любил приключения,

Медведь, никак не ожидавший нападения, да еще такого стре-

а может быть, его привлек вкусный запах, доносившийся из открытых дверей походной кухни,—только он подошел к самому лагерю и стал бродить среди белых палаток.

Вдруг его заметила кошка. На своем веку она видывала множество собак, но такой большой и волосатой «собаки» еще не видала. Однако она не колебалась. Враг осмелился войти в ее заповедные владения; необходимо прогнать его. С гневным шипением, дрожа от ярости всем своим маленьким тельцем, кошка оцетинилась и храбро пошла на медведя. Медведь, никак не ожидавший нападения, да еще такого стремительного, фыркая со страху, кинулся к ближайшему дереву и успокоился только тогда, когда залез на самую верхнюю ветку. Кошка же гордо похаживала вокруг дерева, сторожа своего огромного пленника. Шерсть на ней все еще вздымалась дыбом от благородного негодования; она все еще выгибала дугой спину и по временам выразительно помахивала хвостом.

Солдаты, выйдя из палаток, глазам своим не верили; однако факт был налицо: на дереве медведь, под деревом кошка, и невдалеке люди, видевшие все с начала до конца.

Самое курьезное, пожалуй, во всей этой истории то, что медведь не сошел с своей безопасной позиции, пока кошка не очистила ему путь к отступлению. Только тогда он слез с дерева и поспешно направился назад в горы.

КОТ ФАРАОН

Рассказ Ф. Марза.

I. Покинутый кот

В один прекрасный день молодой орнитолог¹ Гокли приехал в наш округ и снял маленький туземный бунгалоу². Он поселился в нем не один—с ним был привезенный им с собой в корзине кот Фараон.

Это был совсем особенный кот, на других не похожий. Он был очень большой и упитанный; цвета он был желтого, книзу светлее, с полосами на боках; хвост его был замечательно тонкий, длинный и гибкий, в черных кольцах и с черным кончиком; шерсть очень густая, но короткая и жесткая, совсем не такая, как у домашних кошек; глаза всегда сохраняли выражение неукротимой дикости.

¹ Орнитолог — человек, занимающийся изучением жизни птиц.

² Бунгалоу — легкая постройка дачного типа в Индии.

(Прим. ред.).

Молодого ученого часто видели уходящим из дому ранним утром: идет, бывало, помахивая хлыстиком, с толстой книгой под мышкой, с синими очками на носу... Фараон неизменно следовал за ним.

На расспрашивания любопытных соседей Гокли всегда отвечал, что приехал сюда готовиться к ученой работе и избирает для своих прогулок самые уединенные места в лесу, чтобы ему никто не мешал.

Но на деле оказалось иначе...

Главный лесничий застал его однажды в тщательно оберегаемом им лесном заповеднике, где охота на птиц была запрещена под угрозой величайшего наказания. Лесничий очень гордился своим заповедником и дорожил редкими породами птиц, которые там разводились. Можно представить себе его ярость, когда выяснилось, что Гокли при помощи своего карманного складного ружья настрелял столько дичи, что и в пять лет нельзя было поправить дело. Роль гончей собаки в этой охоте исполнял кот Фараон.

Давая показания на суде, лесничий не мог подыскать достаточно слов и выражений, чтобы описать, как велика была вина кота. Он захлебывался от гнева, заикался, откашливался... Но из его показаний можно было с несомненностью установить одно, что кот был во всяком случае замечательный, необыкновенный. Это и высказал между прочим, сам судья.

Но кошки суду не подлежат. Зато самому Гокли пришлось поплатиться тяжелее, чем все ожидали. В соседних округах узнали, что он, наконец, попался, и от местных властей посыпались телефонные заявления судье о точно таких же проделках Гокли на их территории. Гокли был присужден к штрафу и высылке. Повидимому, он этого ожидал и нисколько не удивился, потому что из суда он вышел спокойно, с насмешливой улыбкой на лице.

Ему предписано было уехать немедленно, и он не успел даже захватить с собой Фараона. Он оставил его в своем бунгалу, и это отчасти указывает на растерянность браконьера, потому что таким котом он не мог не дорожить. Но, может быть, Гокли оставил его нарочно, из мести. Во всяком случае, кот находился в бунгалу и спал на диване перед топившимся камином в то время, когда за его хозяином пришел представитель власти для исполнения приговора.

Кот Фараон проснулся только в пять часов пополудни, и сейчас же крепкий сон его сменился бодрой энергией; способность к такому быстрому переходу сохранилась в наше время только у диких животных, но давно утрачена всеми домашними.

Солнце ярко светило в небольшое окно; окно было открыто, и в нем с металлическим жужжанием носилась осенняя муха; на камине торопливо тикали часы. Но кота разбудило не солнце, не

муха, не тиканье часов... Его разбудил стук отворяемой калитки в палисаднике.

Кот раскрыл свои зрачки, похожие на вертикальные трещины на желтом камне, и кинул быстрый взгляд на открытое окно. Он увидел перед собой «квадратную» черную шляпу, каких теперь не носят, чье-то красное бородастое лицо с маленькими глазками и неприятным, явно угрожающим выражением.

То не был Гокли. У Гокли было белое лицо и большие глаза,—такие глаза особенно нравятся животным и привлекают их доверие. Кот знал, что это не Гокли, но, повидимому, и этот посетитель был ему известен. Так, по крайней мере, можно было думать, судя по поведению кота.

Свирепо сверкая глазами, Фараон без малейшего шума, точно змея, соскользнул с дивана и подкрался к двери, которая вела в кухню. С минуту он постоял в раздумьи, повернув голову назад, затем быстро шмыгнул через отворенную кухонную дверь во двор.

Настала полная тишина,—было слышно только тиканье каминных часов. Потом стукнула наружная дверь, и на пороге появилась высокая фигура главного лесничего с двустволкой в руках. Он пришел со своей собакой и стал повсюду искать «проклятого кота». Он решил во что бы то ни стало отыскать и уничтожить Фараона, боясь, что без хозяйского надзора он сделается, пожалуй, еще опаснее для лесного заповедника.

Лесничий обыскал весь бунгалоу от порога до печной трубы. Кота нигде не было. Собака, наконец, помогла ему обнаружить, что кот скрылся, выбежав через кухонную дверь.

А Фараон, грозно ворча, чего домашние коты обыкновенно при таких обстоятельствах не делают, перебежал через двор бунгалоу.

С трудом пробравшись через узкое отверстие в колючей изгороди, весь исколотый и исцарапанный, кот очутился в канаве. Он побежал по ней сначала прямо, потом свернул направо и, выскочив на мокрый луг, помчался к темному, сырому лесу.

Кот мчался диким свободным галопом, низко опустив голову, вытягивая далеко вперед передние лапы и волоча за собой задние. Так бежит обыкновенно по джунглям тигр, испугнутый загонщиками.

На минуту кот остановился и обернулся назад, заслышав позади себя глухой шум. Меньше всего он мог обмануться в значении этого шума. Такому ли дикому коту, как он, не знать, что за ним гонится собака!

Это была собака лесничего, быстро бежавшая по его следу.

Она догнала Фараона прежде, чем тот успел добежать до леса. Не успела она опомниться, как что-то желтое проскочило у нее перед самым носом и, словно резиновый мячик, прыгнуло ей прямо на спину, вцепившись в нее когтями всех четырех лап.

Собака отчаянно завизжала, и следовавший за ней главный лесничий, свирепо бранясь по адресу кота, бросился к ней на помощь.

Но кот уже соскочил с исцарапанной спины своего преследователя и стрелой понесся в лес. Там он вспугнул птиц, сидевших на деревьях; они с криком поднялись на воздух и окропили кота дождевыми каплями, оставшимися на листьях. Всякий другой кот сейчас же вспрыгнул бы на дерево, но своему коту Гокли, очевидно, внушал, что когда за ним гонится человек с ружьем, нельзя прыгать на дерево.

Фараон мчался по лесу, прячась в диком терновнике, в колючем дроке. Тут было много хитрой стратегии, потому что этот дрок представлял собой целый мир колючек и перепутанных ветвей, где с таким успехом спрячутся кролики и куда никакая собака проникнуть не может.

Погоня осталась далеко позади, но кот все еще пробирался через самую густую чащу дрока, часто останавливаясь и прислушиваясь. По временам он нюхал увядшую траву и настилку из мелких листьев и колючек.

Раз или два что-то где-то шелохнулось; хрустнула ветка, когда он крался; былинка сама собой выпрямилась перед ним, как будто кто-нибудь только что сошел с этого места. Все кругом говорило о жизни, но ее пока не было видно.

И вдруг неожиданно, без малейшего предупре-

ждения или намека, грянула война, настоящая кровавая лесная война.

Перед котом появился странный пестрый зверь, очень крупный—около метра в длину—и в полумраке казавшийся еще больше; он был на коротких ногах, дородный, похожий на медведя, с лапами, запачканными в земле, с множеством кровавых царапин на шкуре. Пасть у него была оскалена, глаза смотрели дико.

Это был барсук, которого давно уже травили в его норе люди и собаки. С его стороны выход из норы был отчаянной вылазкой гарнизона из осажденной крепости с решимостью пробиться или погибнуть. Фараону не повезло: он как раз очутился на дороге барсука из одной норы в другую.

Когда кот его заметил, зверь уже был совсем близко от него. У кота не было времени ни для того, чтобы отступить, ни для того, чтобы сделать один из тех быстрых прыжков в сторону и вслед затем вверх, которые так часто удаются кошкам. Фараон был загнан в угол, и ему пришлось вступить в неравный бой.

Столкнулись две открытые пасти, ударились клыки о клыки. Кот царапался, кусался, грыз, извивался. Враги сплелись в один пестрый клубок—живой и вертящийся. Этот клубок мог вертеться лишь на очень ограниченном пространстве, и бой неминуемо должен был окончиться смертью одного из противников. Над клубком как будто уже реяла смерть...

Но вдруг поблизости, почти совсем над ними, раздался громкий, отрывистый, сухой кашель—обыкновенный человеческий кашель,—но на двух бойцов он оказал мгновенное действие. Они в один момент расцепились, прыгнули в разные стороны и исчезли.

Кашлял крестьянин, возвращавшийся с поля. Услышав возню, он остановился, и хотя ничего не разглядел, но все-таки бросился в кусты. Но кот был от него уже в ста шагах, а барсук скрылся, по всей вероятности, в своей норе.

Вскоре кот Фараон крепко спал в довольно надежной природной крепости—чаще колючего дрока, окруженный сотней невидимых сторожей в темных шкурах с белыми хвостиками—кроликами, как бы взявшимися охранять его сон и предупреждать в случае опасности.

II. Ночь в лесу

Солнце село; подул вечерний ветерок; в чаще дрока стало совсем темно.

Ночная жизнь чащи начиналась. Ночные хищники просыпались и двигались. Взлетала там и тут ночная птица, с криком «как-как» поднималась к небу и скрывалась из глаз. Над колючими кустами появилась темная тень совы. Слышался где шорох где шелест.

Но никто не мог бы расслышать, как крадется кот Фараон. Ни зверь ночной, ни ночная птица

не могли бы рассказать о его невидимом путешествии по лесу. Но он был тут, и в полуночной темноте слегка поблескивали два изжелта-зеленых огонька...

В то же время по берегу лагуны шла какая-то высокая, тонкая, бледная тень, испускавшая как бы слабый фосфорический свет. Через два-три шага она останавливалась; затем слышался всплеск, как будто кто-то ловил рыбу и не мог поймать.

Кот шел осторожно, незаметно. Он знал, что в диких местах погибает тот, кого первого увидят.

Все шло бы прекрасно, если бы он не имел привычки, присущей всем кошкам, не исключая тигров,—привычки беспрестанно шевелить хвостом. Хвост у них почти все время в движении. Это отлично знают охотники на тигров, когда выслеживают этого зверя. Таково уже характерное свойство всей кошачьей породы.

Светящаяся тень подходила. Должно быть, она увидела шевелящийся хвост. Во всяком случае она остановилась, превратившись в каменный столб. Кот находился почти под ней, прижимаясь к траве.

Вдруг—«фрр»...

Тень, оказавшаяся большой голенастой птицей, прорезала воздух, подобно брошенному дротику, и ухватила черный шевелящийся кончик хвоста Фараона. Кот завизжал от боли и, ошетилившись, выпустил когти. Птица захлопала крыльями, заплясала на одном месте, и от нее отвратительно

запахло гнилой рыбой, как пахнет на рыбном рынке в жаркий день.

Кот, не переставая, визжал и царапался. Птица поняла, наконец, свою ошибку и выпустила схваченный кончик хвоста, торчавший из травы. Она собралась было долбнуть кота в голову, но тот не стал дожидаться удара. Взбешенный тем, что с его хвостом так непочтительно обошлись, кот высоко подпрыгнул и шлепнулся в тихую воду пруда. Раздался всплеск, вода заходила, задрожали отражавшиеся в ней звезды; выскочили из своих нор испуганные водяные крысы. Птица же взмахнула своими большими крыльями и величественно поднялась на воздух с громким шумом—«фру-фру-фру». Вслед затем послышался звук плывущего по воде тела, одетого в меховую шкуру. Это кот Фараон переплывал лагуну.

Птица оказалась просто цаплей. Самой обыкновенной цаплей. Известно, что ее клюв представляет собой замечательное оружие. Он у нее длинен, крепок и насажен на стальную шею. Цапля принадлежит благодаря ему к числу птиц, которые в случае надобности могут очень и очень постоять за себя.

В этот раз цапля ловила угрей—рыбу, очень трудную для ловли, и вдруг увидела хвост, шевелящийся в траве. Она приняла его за угря и схватила. Ошибка была вполне простительна, потому что угри, как известно, любят совершать иногда путешествия по суше.

Обиженный кот молча плыл по воде. Он весь вымок, а кошки терпеть не могут воды.

Вдруг мимо его носа прошмыгнула водяная крыса. Она плыла совершенно беспечно, никак не предполагая наткнуться здесь на кошку, и... попалась. Фараон схватил ее зубами и поплыл с ней к берегу, потом, весь промокший и иззябший, уселся спокойно в сторонке и поужинал.

III. Бой с выпью

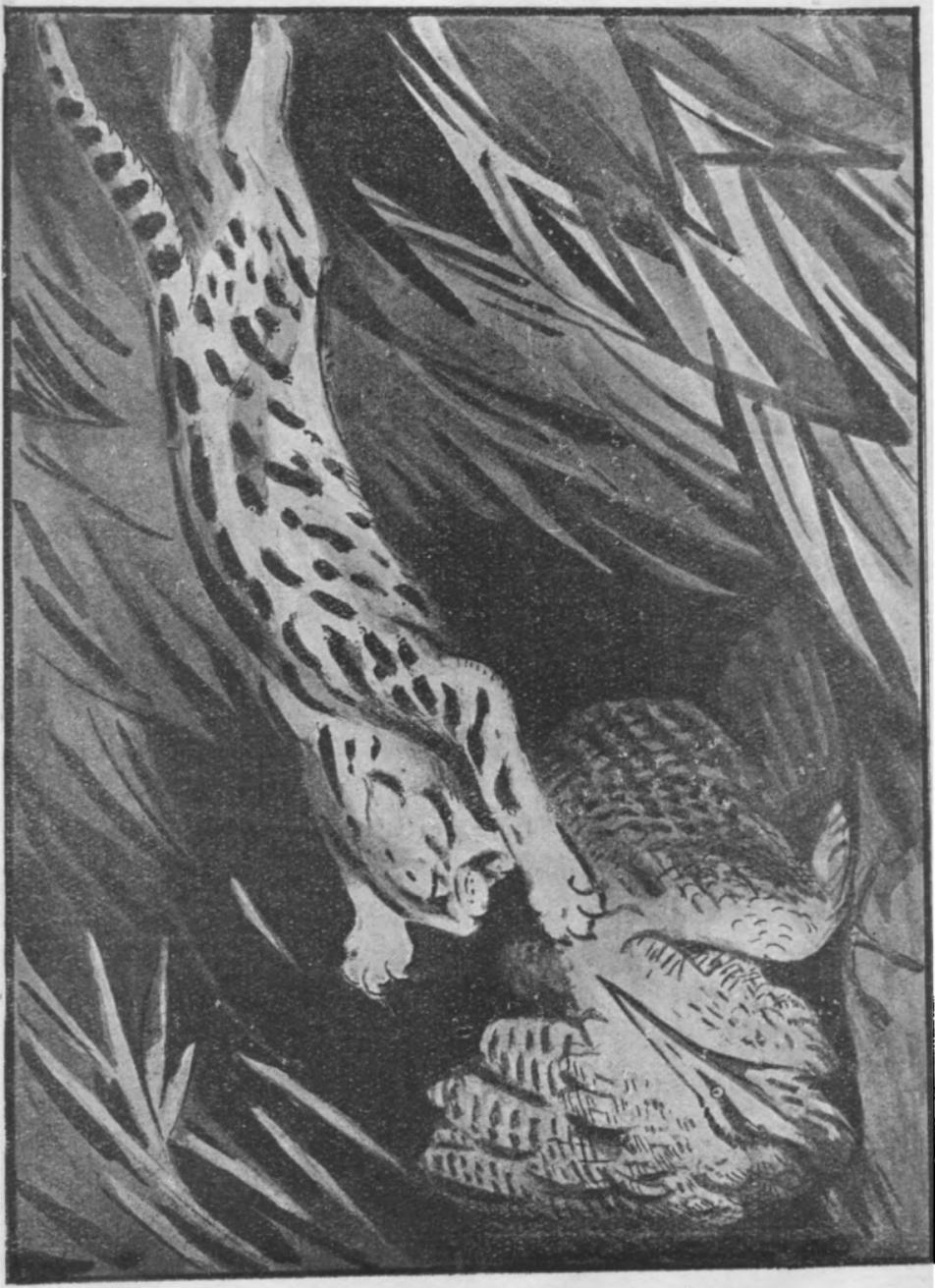
Долго рыскали лесники с собаками по лесам заповедника, осматривая все изгороди и держа наготове ружья, чтобы застрелить Фараона. Много расставили они на него капканов. Впрочем, собаки отыскали двух кошек, но у одной оказалась голубая ленточка на шее, а у другой—котятка. В расставленные капканы попался один кот, но он оказался любимцем жены главного лесничего; ночью его тайком от лесничего зарыли в землю.

А Фараон преспокойно рыскал и охотился на свободе, оставляя всех охотников в недоумении.

Редкостные птицы заповедника стали исчезать самым серьезным образом. Проделка Гокли была детской шалостью в сравнении с тем, что творил теперь голодный бездомный кот Фараон.

В заповеднике водилась птица, которой особенно гордился главный лесничий,—это была выпь.

И вдруг выпь исчезла. Выпи часто переселяются с места на место, но лесничий догадывался, что тут дело не обошлось без кота.

Кот сделал свой последний прыжок к выпи...

Фараон все больше и больше привыкал к месту и все смелее и смелее выходил из своего колючего убежища.

В одну сырую и дождливую, но не совсем безлунную ночь он забрался в прибрежный камыш и увидел в первый раз в жизни выпь, смотревшую на него при лунном свете своими лягушечьими зелеными глазами.

Фараон замер, прижал уши и весь обратился в слух и зрение. Домашний кот сейчас же убежал бы прочь от невиданного врага, но у Фараона текла в жилах совсем другая кровь.

Прежде всего ему захотелось узнать, что это за птица с лягушечьими глазами. Кроме того он был голоден. А тут была птица и притом еще крупная.

Цвет его шкуры необыкновенно подходил к окружающей обстановке, так что его совсем не было видно в желтоватом тростнике.

Дождик то шел, то переставал; луна играла в прятки, то показываясь, то скрываясь, и никто не видал, как Фараон кружился вокруг выпи, с каждым разом подкрадываясь к ней все ближе и проделывая в миниатюре маневры льва, наметившего себе добычу. Никто не видал, как выпь все приседала, приседала и, вся надувшись, выгнула шею назад, а клюв направила кверху.

Видела только карнаухая пучеглазая сова, как кот сделал свой последний прыжок к выпи.

И только эта же самая сова слышала,—ведь нет слуха более чуткого, чем у совы,—как отчаянно

взвизгнул Фараон, когда длинный острый клюв выпя вонзился ему в плечо и глубоко его проколол. Потом она видела, как кот перевернулся в мучительных страданиях вокруг самого себя и вонзил свои острые зубы позади зеленых, лишенных всякого выражения, лягушечьих глаз выпя. Наконец, она услышала громкое хлопанье крыльев, царапанье когтей; перед ней мелькнули голенастые ноги, чья-то желтая шкура, летящие клоки шерсти и перья; затем луна скрылась, и сделалось совершенно темно и тихо.

IV. Встреча с хозяином

Последние лучи заходящего солнца заглядывали в окно бунгалу и косо ложились на полу.

Вечерний паук протянул через камин свою паутину. На окне сидела неподвижно осенняя муха. То был бунгалу Гокли, не прибранный и брошенный.

В дальнем углу неподвижно лежала не то круглая меховая подушка, не то муфта. Зашумел дождь, и подушка зашевелилась. Из нее поднялась круглая голова с круглыми глазами и поглядела так, что каждому сделалось бы жутко от этого взгляда. Мех живой муфты был весь в запекшейся крови; след крови тянулся по всему полу от окна в соседней комнате.

День кончался среди шума дождевых потоков. Комнату постепенно охватывала тьма.

Вдруг стукнула калитка. По всей вероятности, она стукнула от ветра, но Фараон (это был он) в один миг вскочил с ворчаньем, и его круглые глаза загорелись желто-зеленым огнем.

Все опять стало тихо. Потом раз, два—явственный скрип обутых ног по песку. Опять все стихло. Фараон весь съежился, дрожа всем телом.

— Фараон, Фараон! Фараошка, старый мой кот! Где ты тут?

Голос был сдавленный, сиплый и говорил в открытое окно соседней комнаты. В комнату глядело угрюмое суровое лицо.

— Фара... Ах...

Фараон выпрямился, вскочил, тихо мяукнул, как делает кошка, когда зовет своих котят. Страдающий, едва живой, изувеченный, но все-таки с поднятым вверх, точно палка, хвостом, кот бросился к окну, прыгнул на подоконник и принялся ласкать суровое лицо с большими глазами.

Настала пауза, в продолжение которой кот не переставал мурлыкать. Но вот скрипнула крышка открываемой плетеной корзинки. Мурлыканье прекратилось. Крышка опять скрипнула—корзину, очевидно, закрыли. Опять зашуршали осенние листья под ногами человека, опять заскрипел песок под шагами обутых ног; стукнула калитка,—и все затихло.

Приходил Гокли и забрал с собой своего драгоценного Фараона.

БОЦМАН

Рассказ о замечательном корабельном коте М. Де - М а р а

Итальянский пароход «Астра», делавший регулярные рейсы между первоклассными австрийскими портом Триестом и Венецией, причаливал к набережной Триеста.

В гавани, переполненной судами всех наций, было так тесно, что «Астра» вынуждена была долго возиться с причаливанием: сначала пароход бросил якорь, потом с кормы на берег завезли трос, машина заработала, и судно стало медленно и осторожно подтягиваться к берегу кормою.

Я стоял на верхней палубе, наблюдая красивую панораму Триеста при утреннем освещении, любясь этим старым гнездом, видевшим столько на своем долгом веку, пережившим столько бурь.

— Огэй! «Боцман»!—раздался над моим ухом зычный крик стоявшего рядом со мною матроса, здоровяка лет сорока с блестящим взором, крепкими белыми зубами и бронзовым лицом.—Огэй.

тезка Мартин! Здесь я, коташка. Здесь я, кот-мурлыка. Ах, и шельма же ты, Мартин.

Матрос радостно улыбнулся и махал своею фуражкой в знак приветия кому-то на набережной, где толпилось пестрое портовое население.

— Мартин рыболов! Здесь я, здесь! Огэй! Видишь меня? Хо-хо-хо! Сейчас я тебя, шельму, колбаскою угощу, подлец ты этакий. Припас, припас для тебя, жирная ты свинья,—кричал моряк.

— Кому это вы,—заинтересовался я.—Знакомый, что ли? Или родственник?

Матрос нахлобучил себе на лоб фуражку с таким остервенением, что рисковал содрать всю кожу и оторвать уши. Потом он схватился за живот и захохотал, как безумный.

— Слышишь, Мартин,—орал он вне себя от восторга.—Этот русский думает, что ты мой двоюродный братец. Хо-хо-хо!

И потом, обратившись ко мне, уже более серьезным тоном заявил:

— Да, ведь это же кот.

— Кот?—удивился я не на шутку.—Что за чепуха!

— И вовсе не чепуха,—даже обиделся моряк.—Отличный, великолепный кот на четырех лапах, хвост закорючкою. Лапки бархатные, а коготки стальные. Вот он, шельма, впереди всех сидит. Знает, хитрая его душа, где сходни подадут. Сейчас же первым вскарабкается, чтоб на «Астре» подробный осмотр произвести. Вы не туда

смотрим, господин мой. Видите теперь? Вон, рядом с полицейским. Рыжий такой.

Присмотревшись внимательнее, я в самом деле увидел великолепного толстого рыжего кота.

Животное расположилось рядом с щеголеватым полицейским и внимательно поглядывало на наш пароход. Когда стоявший рядом со мною моряк кричал, кот шевелился, изгибая спину, ворочал круглую голову, зевал и облизывался.

Едва только с треском и грохотом приблизился к корме парохода конец сходни с набережной, кот прынул, стрелой промчался по сходне и одним прыжком пролетел пространство, еще отделявшее сходню от борта судна.

Очувтившись на палубе, он радостно мяукнул, перевернулся, выставив к небу все четыре лапы, свернувшись в комок, опять прынул. Через секунду он уже сидел на плечах стоявшего рядом со мною матроса.

Матрос тискал огромное тело животного своими мозолистыми руками, щекотал мягкое брюхо, тербил его пушистый хвост, дергал его за лапы, гладил, целовал, и все время хохотал, крича в восторге:

— Ах, и шельма же ты, и подлец же ты, «Боцман». Ну, как поживаешь, хитрец, бродяга четвероногий? Что нового в Триесте? Когда ты снова в путешествие отправишься? Калькутту помнишь? Александрию не позабыл? А в Таганрог не хочешь?

Заинтересовавшись этою болтовнею матроса, я выждал момент, когда кот соскользнул с плеч моряка и с важным деловитым видом пустился ревизовать сначала верхнюю палубу, потом нижнюю, и обратился к матросу с вопросом, что это все значит.

— А то и значит,—ответил матрос,—что это кот не простой, а исторический. Это кот-путешественник, моряк по призванию и по страсти. Он столько миль сделал, что дай бог вам за всю вашу жизнь. Его портрет даже в «Пикколо дель Триестэ» был напечатан, а с ним—биография. Это когда он из Индии вернулся, после того как мы считали его навеки пропавшим. Но только газетчики, как всегда, переврали. Известное дело, когда человек вечно, словно на пожар, торопится, одним ухом слушает, что ему добрые люди говорят, а в другое ухо выпускает,—разве что-либо доброе может получиться.

— А вы расскажите мне,—предложил я моряку.—Я ведь фантазировать не стану.

Моряк охотно согласился, но для того, чтобы узнать подробную историю оригинала триестского четвероногого «Боцмана» с рыжею шерстью, длинным пушистым хвостом и желтыми глазами, мне пришлось обождать, пока с «Астры» не ушли все пассажиры и пока капитан далматинец не отпустил на берег часть команды, в том числе и моего знакомого.

Едва мы с Ризничем,—так звался матрос,—спустились к сходням с борта «Астры», как «Боцман» оказался рядом с нами.

Через десять минут, когда мы были уже достаточно далеко от набережной, кот неожиданно ускорил шаги, помчался и скрылся в дверях какого-то дома.

— Смотрите, Ризнич. А кот-то ваш сбежал, кажется,—сказал я.

— Ничего подобного,—возмутился матрос.—Не знаете вы этого хитреца. Чтобы «Боцман» мой от меня сбежал! Да за кого вы его принимаете?! Просто, он в наш матросский кабачок забежал. Знает, шельма, тот порт, в котором я сейчас якорь брошу и примусь мой камбуз съестными припасами нагружать.

Еще десяток шагов,—и мы очутились перед популярным триестским матросским рестораником «Летучий Голландец». Кот уже ожидал нас, расположившись на стуле возле столика, стоявшего около окна.

— А, Ризнич,—крикнул матросу меднолицый буфетчик.—Я так и знал, что это ты идешь. «Боцман» вперед тебя забежал. Ну садись, садись. Чем угощать-то тебя?

Расположившись комфортабельно на матросских плечах, кот зажмурил глаза и принялся мурлыкать.

Пообедав, матрос снял кота со своей спины, уложил его на колени и, поглаживая мозолистую

рукою, принялся рассказывать мне странную историю этого животного.

— Видите ли, дорогой мой, началось дело лет, надо полагать, восемь тому назад. И началось именно с меня.

Был я по делам—о документах хлопотал—в местном муниципалитете¹. Ну, ждать пришлось, пока там архивариус справку наводил. А я от нечего делать с сторожами заболтался. Вдруг кто-то и крикни:

— Мартин!

А я, конечно,—как меня Мартином зовут,—по-матросски:

— Есть!

Тут общий хохот. Оказывается, не меня зовут, а кота. Вот этого самого жирного подлеца. Только тогда он еще совсем молодым был и куда тоньше.

Ну, подошел он ко мне, стал ласкаться. Была у меня в кармане колбаса. Отрезал я своему тезке кусок. Ничего, съел. Ласкаться стал, мурлыкать...

Потом позвали меня в канцелярию. Получил я бумаги, ушел. Разумеется, о коте и думать позабыл.

Пришел на «Астру», забрался в кубрик, на свою койку, спать залег. Просыпаюсь,—спит у меня в ногах тот самый кот. А пароход-то уже отчаливает. Якоря подняли, сходни сняли. Значит, завезем мы кота в Венецию.

¹ Городское самоуправление. (Прим. ред.).

Ну, на всякий случай пошел я доложить капитану. Так, мол, и так. Безбилетный пассажир.

— Чорт с ним,—говорит капитан.—Авось, отработает: пусть крыс ловит. Да смотри мне: будет палубу пачкать—в мешок да в воду.

Ну, Мартин оказался благовоспитанным: насчет того, чтобы палубу пачкать,—ни-ни. Ловил ли он крыс, не могу сказать.

Вот всю ночь шли мы, утром подходим к Венеции, вошли с музыкой в Каналэ Грандэ, кот мой—сам не свой: мечется по палубе, мяукает, все к берегу присматривается. Явно—недоумевают:

— Куда, дескать, меня завезли? Что это за город такой?

Пришлось мне с матросами на берег спускаться; только сели в шлюпку,—кот прямо с палубы к нам прыгнул. На берегу все ходит, все пофыркивает, недоверчиво поглядывает.

Заболтались мы на Рива дель Скьявони в каком-то кабачке,—выходим, а кота нет.

Обидно мне стало: как никак на моей ведь душе грех, я ведь беднягу кота, да еще моего тезку, из Триеста на чужбину завез. Пропадет он тут.

— Что же это,—говорю,—братцы. Пропадет ведь коташка.

Ну, матросы хохочут.

— Авось, говорят, не пропадет.

Дошли мы до набережной, усаживаемся в гондолу, чтобы плыть к «Астре»—откуда ни

возьмись, стрелюю летит наш Мартин по набережной. Хвост вверх, уши торчком.

Ну, вечером, как всегда, «Астра» отошла в Триест. Всю дорогу кот спать мне не давал. Вышел я на палубу,—он всюду за мной. Как собака, трется у моих ног, жалобно мяукает.

А пришли мы утром в Триест—видели бы вы, что тут с ним было.

Визжит, катается, прыгает, кувыркается, мурлычет. Совсем от радости с ума спятил.

Первым и выскочил на берег, да как ушкварит по набережной! .Словно рыжий шар катится.

Прошло, надо полагать, с неделю. Позабывать я Мартина стал. Как-то раз собрались мы опять в обычный рейс на Венецию—глядь,—а Мартин у нас на палубе, как старый знакомый, ходит.

Заучил он эту дорогу: съездит с нами в Венецию, побродит там, вернется опять в Триест, неделю, две не показывается. Свои обязанности в городском муниципалитете, надо полагать, исполняет: крыс ловит в архиве.

Потом пришлось ему уже более дальний рейс совершить с тою же «Астрою»: поставили «Астру» на линию Триест—Неаполь, и в первый же раз поплыл кот с нами. Опять та же история: пристанем мы к какому-нибудь новому, для кота незнакомому порту,—он очень беспокоится.

Отправится на берег, все осматривает, знакомится, а потом вернется на борт, забьется в

какую-нибудь каморку и до нового порта не подает признаков жизни.

Ну, долго рассказывать, а только потом пришлось нашему Мартину с «Астрой» и в Египте побывать, и в Мариуполе, и в Таганроге.

А так года четыре спустя, попал он в дальнее плавание—в Индию.

Дошли мы до Калькутты,—там беда приключилась: собирается «Астра» в обратный путь, а нашего «Боцмана», как прозвали мы кота, нет, как нет.

Смешно сказать: чуть я не дезертировал с судна, чтобы не покидать кота на чужбине. Товарищи только удержали, а то сбежал бы я.

Вот возвращается «Астра» в Триест. Входим мы в порт. Причаливаем. Канат завезли, подтягиваемся к набережной. А я стою да тоскливым взором все осматриваю: не выскочит ли из трюма коташка наш рыжий. Не примется ли бесноваться от радости, что опять мы на его родину вернулись.

Нет, нет. Остался в Индии, дурак рыжий. Пропал. Ну, ладно.

Полгода почти спустя, и уже не с «Астрою», а с «Радецким», попал я опять в Калькутту. Что бы вы думали? Только с матросами спустился на берег, держим курс к кабачку одному, галдим, руками машем—откуда ни возьмись прыг на меня рыжее чудовище.

Тощий, худой, ошарпанный.

Матросы даже испугались. Орут:

— Бешеная кошка!

А он, шельма, и в самом деле, как бешеный: рычит, визжит, пляшет на моей спине.

Ну, довели мы его опять до Триеста,—он, как полоумный, с судна—шась.

Зашел я опять по делам в муниципалитет, там рассказывают:

— Явился восемь месяцев пропадавший Мартин, всех своими курбетами насмешил.

Однако с тех пор Мартин «Боцман» сделался гораздо осторожнее: путешествует, но никогда не пускается в дальние плавания. Каким-то образом, очевидно пользуясь какими-то собственными соображениями и приметам, он путешествует удачно, и если забирается на какое-нибудь судно, то исключительно на такое, которое делает не очень отдаленные рейсы. Чаще всего путешествует этот хитрец в Венецию. Да мало того, что просто ездит,—нет, он приловчился так, что зачастую с одним пароходом приедет, на несколько суток в Венеции останется, выждет прихода другого парохода, присоседится к матросам и возвращается в Триест.

Теперь среди моряков, плавающих по Адриатическому и Средиземному морям, у него завелось колоссальное знакомство. Можно сказать,—самая популярная персона. Матросы, они ведь привязчивые. Скучно в море. А «Боцман» наш—такое ласковое и разумное животное. Ну, и везде и всюду он желанный гость.

Только никакими пряниками его на парусное судно не заманишь: разбирает. Плавает только на паровых судах.

За эти годы матросы, да и офицеры, не раз навешивали на шею «Боцмана» разные ошейники с медалями. Ничего, терпит, покуда в Триест не вернется. А вернулся в Триест, прямым рейсом идет на парах в муниципалитет, там у него есть приятель старичок архивариус,—и до тех пор мяукает, покуда старик с него ошейника не снимет. Теперь в каморке сторожей муниципалитета целая коллекция из таких ошейников, медалек и тому подобных вещей накопилась. У нашего «Боцмана», можно сказать, целое состояние...

Матрос, докончив свой рассказ о коте-путешественнике, поднялся и бережно положил кота-мурлыку на ближайший стул.

Кот искоса посмотрел на нас и снова зажмурил лукавые желтые глаза.

Утром следующего дня мне случайно пришлось присутствовать при отправлении из Триеста в Пирей большого австро-венгерского парохода «Зичи». Спускаясь с парохода по сходням, я видел, как огромный рыжий кот с деловым видом пробирался на палубу судна.

«Боцман» отправлялся в новый рейс...

ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ

15 сборников необычайных рассказов из жизни домашних и диких животных

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. А. ПОПОВА

Все книги в красочных художественных обложках и с рисунками худ. **В. Ватагина**

ОБЕЗЬЯНЫ

Обезьяны. Очерк (по Брэм у). — **Оранг-спаситель.** Рассказ А. Хублона. — **Гора павианов.** Рассказ Мортимера Баттена. — **Храм обезьян.** Рассказ Томпсона Кросса. — **Обезьяна шарманщика.** Рассказ из нью-йоркской жизни Германа Шефауэра. — **Горилла на корабле.** Морской рассказ кап. Фурга. — **Господин леса.** Рассказ из жизни даяков острова Борнео Морнца Эрстера. — **Беглец Беппо.** Приключения ручной обезьяны. — **Среди „лесных людей“.** Рассказ из жизни человекообразных обезьян Рони.

СЛОНЫ

Слоны. Очерк (по Брэм у). — **Танец слонов.** Из жизни индийских рабочих слонов. Рассказ Киплинга. — **Слон Юмбо.** Приключения африканского слона. Рассказ Вл. Алешина. — **Слон Рваные уши.** Приключения дикого индийского слона. Рассказ А. Хублона. — **Слон-мятежник.** Из жизни индийского рабочего слона. Рассказ Киплинга. — **Московский слоненок Бэби.** Из воспоминаний Вл. Л. Дурова. — **Грозный отшельник.** Из жизни дикого индийского слона. Рассказ М. Алазанцева. — **Ловля диких слонов.** Приключения американского траппера Чарльса Майера.

СОБАКИ

Собаки. Очерк (по Брэм у). — **Пятнистый.** Рассказ из жизни пожарной собаки Ллойда Вилис. — **Бультерьер Снэп.** Рассказ Сэттона Томпсона. — **Алясская собака Волк.** Рассказ Джека Лондона. — **Бонами.** Рассказ Джепстера Огл. — **Цера.** Рассказ Леона Фрапье. — **Бек.** Рассказ Джека Лондона. — **Зонни и Кид.** Рассказ Чарльса Робертса. — **Майк.** Рассказ из жизни эскимосской собаки. — **Грозная стая.** Рассказ Гордона Кассерли.

КОШКИ

Кошки. Очерк (по Брэм у).—**Кот-Робинзон.** Рассказ Ф. Марза.—**Трущобная кошка.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Дикая кошка.** Рассказ А. Калинина.—**Безумство храбрых.** Истинное происшествие.—**Кот Фараон.** Рассказ Ф. Марза.—**Боцман.** Рассказ о замечательном корабельном коте М. Де-Мара.

ТИГРЫ

Тигры. Очерк (по Брэм у).—**Полосатый лорд джунглей.** Рассказ из жизни индийских лесов А. Хублона.—**Как я выудил тигра.** Рассказ Д. Кроутфорда.—**Тигр Голубой Сопки.** Манчжурский рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—**Тигровая осада.** Рассказ Томаса Трипа.—**В пасти тигра.** Индусская новелла Сарат Кумар Гхоша.—**Тигр из Тантанолы.** Рассказ Дональда Маклина.—**Самсон и Далила.** Рассказ Рони Тевенена.—**Желтый глаз.** Туркестанский рассказ А. Романовского.—**Единоборство с тигром.** Рассказ М. Батенина.

ЛЬВЫ

Львы. Очерк (по Брэм у).—**„Господин пустыни“.** Рассказ В. И. Немировича-Данченко.—**О трех львах.** Рассказ Райдера Хаггарда.—**Лев Саладин.** Рассказ Франка Севиля.—**Игрушка львицы.** Рассказ М. Алазанцева.—**Ночь мести.** Рассказ Е. Пенсона.—**Лев Цезарь.** Из жизни циркового льва. Рассказ Оливера Фокса.—**Львиная ночь.** Рассказ д-ра Елисеева.—**У львиного водооя.** Рассказ охотника на львов Стюарта Уайт.

ЛИСЫ

Лисы. Очерк (по Брэм у).—**Лиса браконьера.** Рассказ Луи Перго.—**Лиса-капканщица.** Рассказ Дейне Кулидж.—**Лисята Этьенна.** Рассказ Д. Френсиса.—**Спрингфильдская лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Лисьи фермы.** Очерк о разведении лисиц.—**Рейнеке-лис.** Рассказ Х. Онруд.—**Серебристая лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.

МЕДВЕДИ

Медведи. Очерк (по Брэм у).—**На перегонки со смертью.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Игра в прятки.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Медведь в сетях.** Приключение охотника на медведей в Калифорнии.—**Медвежонок-муравьед.**

Рассказ Мортимера Баттена.—Приключения полярного медведя. Рассказ Сейлора.—Медведь-спаситель. Рассказ Чарльса Робертса.—Между лавиной и медведем. Приключение в Скалистых горах.—У тюленьей отдушны. Рассказ Чарльса Робертса.—Медвежонок-стрелочник. Рассказ Мортимера Баттена.

ВОЛКИ

Волки. Очерк (по Брэм у).—Серый волчонок. Рассказ Джека Лондона.—Волчий вождь. Рассказ Джона Мэкки.—Волк—приемыш отшельника. Канадский рассказ С. Блэка.—Бешеный волк. Рассказ Н. Рагоза.—Одинокий разведчик. Рассказ Ф. Марза.—Волки-призраки. Рассказ из жизни индийских джунглей А. Хублона.—Лобо—властелин Куррумпо. Рассказ Сэтона Томпсона.

КРЫСЫ

Крысы. Очерк (по Брэм у).—Слепые крысы. Рассказ Ф. Марза.—Международный враг. Из истории борьбы человека с крысами.—Сумчатая крыса. Рассказ Сэтона Томпсона.—Похождения бурой крысы. Рассказ Чарльса Робертса.—Черная крыса.—Рассказ Ф. Марза.—Крыса и неизвестный. Рассказ Ф. Марза.—Война в лесном болоте. Рассказ Ф. Марза.—Похождения окопной крысы. Рассказ Ф. Марза.

ЛОСИ

Лоси. Очерк (по Брэм у).—Лось-великан. Рассказ Чарльса Робертса.—За белым лосем. Рассказ Мортимера Баттена.—Необычайный гость. Рассказ Чарльса Робертса.—Рогатый вор. Рассказ А. Барченко.—Длиннобородый и ширококоргий. Рассказ о русских лосях С. Покровского.—Лесное братство. Рассказ А. Герберта.—Лоси-беглецы. Рассказ Чарльса Робертса.

ОЛЕНИ

Олени. Очерк (по Брэм у).—В стаде диких карibu. Рассказ из жизни в канадских лесах Чарльса Робертса.—Лесная встреча. Рассказ Чарльса Робертса.—Поездка на северных оленях. Рассказ К. Гакман.—По следам Оленя Песчаного Холма. Рассказ Сэтона Томпсона.—Выстрел сострадания. Рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—Два карibu. Рассказ Чарльса Робертса.—Приключения семьи косуль. Рассказ Ч. Бенсусана.—Бой у источника. Рассказ Чарльса Робертса.

БИЗОНЫ

Быки. Очерк (по Брэм у).—**Последний бизон.** Очерк Чарльса Робертса.—**Бизон—решитель судьбы.** Рассказ Мэри Маккинг.—**Всем чужой.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Страшный зверь.** Рассказ Г. Барстоф.—**Братья по ярму.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Встреча с тибетским яком.** Рассказ Д. Рида.—**Последняя великая ловля бизонов.** Рассказ Фредерика Талбота.—**Бычок снежных пустынь.** Рассказ из жизни мускусных быков Чарльса Робертса.

ОСЛЫ

Ослы. Очерк (по Брэм у).—**Три осла в Пиренеях.** Рассказ Лео Уальмслея.—**Длинноухая актриса.** Рассказ Л. Вильямса.—**Осел Упайдуллы.** Рассказ А. Сытина.—**Осел, возненавидевший рабство.** Рассказ Э. Сквайра.—**Удивительный осел.** Рассказ Жирардена.—**Ослица Жаннет.** Рассказ Дзен Грей.

КОНИ

Кони. Очерк (по Брэм у).—**Вороной Скалистых гор.** Рассказ Е. Милльс.—**Укрощение строптивых.** Рассказ Г. Бенно.—**Жеребенок-Робинзон.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Упрямая скотина.** Рассказ Ганса Онруда.—**Вихрь степей.** Рассказ А. Даурского.—**Шахтенный конь.** Рассказ Черкасенко.—**Морской конь.** Рассказ Чарли Джексона.

Цена 70 коп.

Адрес Издательства (Правление):
Москва, Варварка, Псковский пер., 7.

Центральный Книжный Склад:
Москва, Лубянский Пассаж, помещ. 25—30

КАТАЛОГИ по требованию БЕСПЛАТНО